

18+ ИСТОРИЯ РОЛАНДА

Пилип Липень

Пилип Липень

История Роланда

<https://litres.ru/74429712>

ISBN 9785007119993

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Совершив дерзкий побег из мрачных застенков мучителей-программистов, рекламный бот Роланд залечивает раны и утешается воспоминаниями о детстве, полном отрад, и золотистом созревании. Тем временем в погоню за Роландом пускается безмолвный и злоеший Белый Охотник.

Содержание

Пилип Липень	9
Синописис	9
1. Бегство	12
2. Истории безоблачного детства. Как меня отдали в ученье	13
3. Истории безоблачного детства. О папе	15
4. Истории безоблачного детства. О маме	16
5. Истории безоблачного детства. О Роланде	17
6. Истории безоблачного детства. О формировании личности	19
7. Истории безоблачного детства. О вишне	21
8. Истории безоблачного детства. О дедушке	22
9. Мрачные застенки. Об окончании всего	24
А. Побег и скитания. У зелёного дантиста	26
В. Истории безоблачного детства. О синем дантисте	28
С. Истории безоблачного детства. О чёрном дантисте	31
D. Истории безоблачного детства. О зубных щётках	34
Е. Истории безоблачного детства. О рождении Хулио	36
F. Истории безоблачного детства. О рождении	38

Толика	
10. Истории безоблачного детства. О свободе выбора	40
11. Истории безоблачного детства. О рождении Валика	42
12. Истории безоблачного детства. О мужчине	45
13. Истории безоблачного детства. О букашках	48
14. Побег и скитания. В мокрых штанах	51
15. Истории безоблачного детства. О двух типах	54
16. Истории безоблачного детства. Об винегрете	56
17. Истории безоблачного детства. О любви	58
18. Истории безоблачного детства. О полноценности и насыщенности	59
19. Мрачные застенки. Это наше Училище	61
1А. Истории безоблачного детства. О пресной воде	63
1В. Истории безоблачного детства. Об абсолютном чепчике	65
1С. Истории безоблачного детства. Первая картина Валика	67
1D. Истории безоблачного детства. О самом маленьком композиторе	69
1Е. Побег и скитания. В страшном доме	71

1F. Истории безоблачного детства. О желаниях	73
20. Истории безоблачного детства. О порке	76
21. Истории безоблачного детства. О заторможенности	77
22. Истории безоблачного детства. О зловонном человеке	80
23. Истории безоблачного детства. О неизвестном человеке	82
24. Истории безоблачного детства. О законах статистики	85
25. Истории безоблачного детства. О путешествиях на кухню	87
26. Истории безоблачного детства. О двух мудрецах	90
27. Истории безоблачного детства. О законе сохранения	92
28. Побег и скитания. В уютной щели	94
29. Мрачные застенки. Это бритва	96
2A. Истории безоблачного детства. О телах	98
2B. Истории безоблачного детства. О цирке	100
2C. Истории безоблачного детства. О зимних размышлениях	103
2D. Истории безоблачного детства. Об одном иноке	105
2E. Истории безоблачного детства. Первая	108

пожарная сказка	
2F. Истории безоблачного детства. Вторая пожарная сказка	110
30. Истории безоблачного детства. Третья пожарная сказка	112
31. Истории безоблачного детства. О другом иноке	115
32. Побег и скитания. В тепле	117
33. Истории безоблачного детства. О падениях и взлётах	119
34. Истории безоблачного детства. О самом глупом человеке	122
35. Истории безоблачного детства. О бесценном даре	124
36. Истории безоблачного детства. Об упреждающей археологии	126
37. Истории безоблачного детства. О бескомплексной жизни	128
38. Истории зрелости и угасания. О Толике	130
39. Мрачные застенки. Это наш последний шанс	131
3А. Истории безоблачного детства. Об одном диспетчере	133
3В. Истории безоблачного детства. О дальних странах	135
3С. Побег и скитания. В девичьем доме	137

3D. Истории зрелости и угасания. О Колике	139
3Е. Истории зрелости и угасания. О комете	142
3F. Истории зрелости и угасания. Ещё о комете	145
40. Истории безоблачного детства. Об ужасной женщине	148
41. Истории безоблачного детства. О любви	150
42. Истории безоблачного детства. Об умных книжках	151
43. Истории безоблачного детства. О дневнике	154
44. Истории безоблачного детства. О самом умном человеке	156
Конец ознакомительного фрагмента.	158

История Роланда

Пилип Липень

Дизайнер обложки Анна Бахарева

© Пилип Липень, 2026

© Анна Бахарева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1999-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пилип Липень

История Роланда

«Как вы можете восхищаться побасёнками, в которых нет ничего, кроме глупостей и бессмыслиц?» — говорил им мудрый Улуг.

«Именно за это мы их и любим», — отвечали султаниши.

Вольтер

Синописис

Я и сам раньше не знал, что такое синописис, и впервые услышал о нём от Б. Охотника, когда тот, благодушно посмеиваясь, листал мои записи. «Не умеешь излагать связно и по порядку, так напиши хоть кратенькое объяснение, предисловьице. А то всё запутано, перепутано, ничего не понятно. Разъясненьице. Чтоб я открыл и сразу понимал, что у тебя на уме. Что вначале ты убежал, а в конце тебя изловили. А посередине ты прячешься и вспоминаешь свою жизнь: от младенчества и до сих пор. Вспоминаешь и делаешь выводы. И что ты осознал свою неправоту и глупое ребячество, устыдился, и сделался тих и послушен». Он покашливал и обкусывал ножничками заусенцы вокруг ногтей. «И ты должен обо-

значить главную мысль. Пусть не окончательно, но хотя бы направленнице. Ну-ка?» «Я — победитель». «Победитель? Ты?» «Да. В конце я одержу победу». Он по-доброму рассмеялся и велел принести нам ещё чаю и коржиков; он был сама незыблемость и непоколебимость. Что ж, в те часы финал ещё не наступил, хотя уже нарастал на горизонте величественным грозovým фронтом, проблёскивая ясной истиной: тот, кто зол и лжив, жестоко поплатится; тот, кто чист и отважен, восторжествует. И теперь, заново подтвердив все постулаты своею собственной историей, я считаю возможным провозгласить не только главную мысль, но и главное предупреждение, адресуемое всем несправедливым и недальновидным гонителям: устрашитесь! Оставьте задуманное, пока ещё не поздно — или будете безжалостно низвержены!

Но вернёмся к синопсису. Повествование ведётся спокойными размеренными кусками, из-за нервности жизни писанными в разное время суток и не всегда в подходящих условиях, однако каждый кусок имеет неизменную цель: научить, наставить и направить; или хотя бы не навредить. Иному педанту мои куски могут показаться не вполне связными, чрезмерно разрозненными и не составляющими единого; поэтому я, чтобы предотвратить такое впечатление, расскажу весь сюжет прямо сейчас. Когда я был ещё совсем маленьким, как тот небезызвестный креольчик, мои родители, несколько небрежно желая мне добра, отправили меня на учёбу в одно подозрительное заведение, закономерно оказавшееся не чем

иным, как мрачными подземными застенками, логовом зловещих программистов. Стойко претерпевая невзгоды и лишения, неустанно закаляясь духом и волей, спустя много лет я подобно графу Монте-Кристо вырвался на свободу; но в отличие от последнего был вынужден бежать и скрываться. И в застенках, и в скитаниях мне помогали не отчаяться и не сдаться лишь воспоминания о безоблачном детстве, полном отрад, и золотистом созревании — вот вам и связь. Когда же негодяи настигли и схватили меня, и попытались лишить меня моей внутренней родины, я с хохотом разметал и прободал их, как ураган разметает картофельные очистки, а меч Фридриха Барбароссы прободает какие-нибудь несвежие вафельные салфетки. Полагаю, дальнейшие объяснения излишни.

1. Бегство

Я был быстр, стремителен — зайцем по капустным огородам, белым перепелом над плетнём, диким кабаном по канavam.

Они — тяжёлыми сапожищами за спиной. Сопели толстыми носами, изредка взрыкивали:

— Стой, Ролли! Стой, подлец! Держи его. Стой, кондом! Мерзавец.

Через перекрёстки на красный, ужом меж грузовиками и газелями, лёгким вихрем по водоканалам.

— Уйдёт, паскуда. Стой, кому говорю! Стой, стервец. Пих! Пах! Пистоны. Поджимаю уши, ныряю в парадное, в чёрный ход, в коридор, прячусь у оконного переплёта.

Рассыпались по дворам. Один идёт сюда: гулкие каблуки на лестнице, скрип двери — одутловатый блондин с вечно жирными волосами.

— Выходи по-хорошему! Выходи, хуже будет. Эй, Ролли? Я — тихохонько, на подоконнике, невидимый глазу беглый бот. Смотрит сквозь мою голову вниз, на прохожих.

2. Истории безоблачного детства. Как меня отдали в ученье

Когда мне исполнилось четыре года, мама с папой задумались, куда меня отдать. Папа ходил на станцию и принёс газету с объявлениями. Они сидели плечом к плечу на скамеечке у ворот и вчитывались — мама в ситцевом сарафане, папа в коверкотовом кафтане, совсем молодые. Касались коленями. Я ездил вокруг на трёхколёсном велосипеде с педалями, в крохотных сандалиях. Скрипели половицы, подворачивались половики. Мама с папой пили чай из самовара, вприкуску. Сахарок сладкий-сладкий, каменный. Не кусай, а соси.

«Смотри, какие глазёнки голубые! Давай его в суворовское?» «Ну нет! Рожала-рожала, а потом на войне убьют!» Объявлений много, и все разноцветные: отдайте ваших деток в ремесленное на фрезеровку, в монастырь на иконопись, в хор на пение, в институт на геодезию, в пионерлагерь на лето. «Смотри, в рекламные боты берут! А?» «Реклама — дело хорошее».

В субботу после полудня пришёл рекламщик-вербовщик — человек серьёзный, уверенный, в красной рубаше и кожаном картузе, похожий на цыгана.

— Вот этого? Славный малец! Самое время к делу пристраивать. Поди-ка сюда, — он протянул мне конфету в зо-

лотистом фантике.

— Долго ли обучаете? Дорого ли берёте? — спрашивал папа.

— Учиться будет до четырнадцати лет. Потом на вольные хлеба выпускаем. В год берём по мешку пшеницы, по три курочки, да по рублю серебром. Недорого это, земляк. Или дровами, если желаешь.

— А правду ли говорят, что тело его земное вы себе забираете? — мама нервно мяла передник.

— Что вы, мамаша! Старушечьи рассказы. Мы деток виртуализуем, всё по чести да по науке. Бот — профессия серьёзная, основательности требующая.

— Мыслимо ли? Ни ручек, ни ножек у сыночка!

— Да на что они? Ручки с ножками и сломать недолго-с. Вот, извольте поглядеть, — и он оттянул ворот, демонстрируя страшный розовый рубец. — Разбойники напали! Едва жив остался. А ежели ты бот, то всегда в полной безопасности. Ходи себе, да поплёвывай. Верно говорю!

Они с папой закурили, а я, сжимая в кармане фантик, приблизился и украдкой потрогал дядю за красный рукав.

— Самое бойкое ремесло на сегодняшний день, уж поверьте. Лучше не сыщете! Как сыр в масле кататься будет, — и он вежливо выпустил табачную струю вниз, между колен.

— Так ты его прямо сейчас заберёшь?

— Куда мне его сейчас! Мне сейчас ещё в сто мест нужно. В конце августа привозите.

3. Истории безоблачного детства. О папе

В августе папе пришла повестка, и он явился в районный военкомат, с тугим узелком за плечом.

Хромой и хмурый майор с вругелевским шрамом на щеке осмотрел его во весь фронт, признал годным к строевой и спросил строго:

— Так ты из интеллигентов типа?

— Никак нет, товарищ майор!

— Не юли. На роже написано. Ну-ка покаж, что в узелке.

А что было делать? Показал: томик Рильке, пластинка Шнитке, альбом Айвазовского.

— Попался, кулацкий сынок. В штрафбат его!

Впоследствии папа никогда не рассказывал, как было в штрафбате. Было ясно, что тяжело — но насколько? Вместо ответа на вопросы папа шутливо изображал бравого служаку: вставал с кресла, выпячивал грудь, супил брови и маршировал на месте, отдавая честь куда-то влево вверх; потом постепенно сдувался, добрел и пускался вспоминать, как он встретил маму.

4. Истории безоблачного детства. О маме

Папа рассказывал, что повстречал маму в чистом поле: она стояла посреди синих васильковых просторов и, раскинув руки навстречу солнцу, пела Песнь о земле. Голос её был столь силен, а скулы столь высоки, а стан столь тонок — что от ошеломления папа не мог пошевелиться. Неимоверными усилиями отрывая ноги от земли, он стал делать шаги, а ветер развеивал её платье столь плавно, а коса её была столь толста. Он преодолевал тяготение, он боролся с самой землёй, с целой огромной планетой — и побеждал, и приближался! А взор её глаз был столь ясен, что воздух светлел. Он без усталости толкал землю назад и назад, но земля вращалась ему навстречу, не пускала, уносила. И тогда он опустил руки вперёд и вниз, побежал как волк, как конь, но не успевал, не достигал, и тогда он прыгнул, вспыхнул, полетел птицей. И тогда она увидела его, и смотрела, не отрываясь, и он летел по взгляду, как по лучу, и земля уже не могла помешать.

5. Истории безоблачного детства. О Роланде

Когда папа пришёл в роддом, с букетом красных гербер, шоколадкой и роллтоном, ему с порога заявили, что роженице всё возбраняется — во избежание опасных аллергий. Пришлось отдать медсестричке. Но мало того — мама заявила, что хочет назвать меня Лоэнгрином. Точнее, пока ещё не заявила, а пролепетала — Лоэнгрин! — положив свою лёгкую ладошку на его смуглую ладонь. Папа воспротивился — что за баварские штучки, да ещё в послевоенное время? Тогда мама уже заявила:

— Нет! Лоэнгрин. Или Тангейзер! Или, на худой конец, Парсифаль. И точка. И слышать ни о чём другом не хочу.

— Да ты подумай, родная, как это будет звучать — Лоэнгрин Сергеевич! — начал было выкручиваться папа. — Несуразно ведь! Давай лучше Леонидом? Леонид — почти Лоэнгрин, но безо всякого постыдного вагнерианства.

Мама расплакалась и сказала, что рыцарство и романтика чужды папе, что папа — сухарь и циник. Но папа проявил твёрдость, одёрнул гимнастёрку:

— Не бывать этому! Чтоб у меня, фронтовика, первенец с эдаким именем? — Стукнул кулаком по тумбочке. — Не для того я в окопах гнил, не для того кровь проливал, чтоб сына моего фашистской гнидой дразнили!

— Ты..! Ты... чёрствый человек! Ты... чудовище! И даже цветов не соизволил принести!

А медсестричка, так как тут, предложила компромисс: назвать младенчика Роландом. Звучно, героически, но при этом по-французски. Смотрите, какие у него щёчки — настоящий Неистовый Роланд! А пока мальчик, можно звать Ролли. Мама просияла: спасибо тебе, милая сестричка! Роланд — это ещё лучше, чем Лоэнгрин! Правда, мон эме? И смотрела на папу ласково, просветлевшими глазами. А у папы даже слёзы навернулись — какое хорошее имя! Французы — они же союзники. И вообще он всё французское любил. Расин, Ренуар, Ромен Роллан.

Мне запомнилось, как счастливый папа нёс меня домой, щекоча усами, как показывал мне мою комнату, и как в тот же день подарил ножик — маленький, но настоящий армейский, пахнущий сталью.

6. Истории безоблачного детства. О формировании личности

По утрам, когда солнышко вставало, под нашими окнами раздавались крики торговцев и ремесленников. Молоко! Молоко! Масло! Заправка ножей и ножниц! Огурцы! Огурцы! Хомуты и упряжь! Сапоги! Сапоги! Старые телефоны! И чего только ещё не предлагали, то бодрыми голосами, то заспанными. Математика! Английская литература! Психология! Психиатрия! Однажды папа со скуки вышел на крыльцо и кликнул такого: эй ты, поди-ка сюда.

— Чего изволите, вельможный пан? — психолог был малый лет сорока, чёрный, с острыми глазками.

— Ты что это, а? — папа зевнул.

— Да вот-с, предлагаю.

Папа велел поднести ему. Поклонившись, психолог выпил и утёр рот.

— Вот, скажем, деток воспитанию способствуем, — заметил он в мою сторону. — Не желаете ли?

— Так.

— Методики современные, весьма разнообразные. Слышали ль, допустим, об управляемом комплексовании?

— Так.

— Формируем личность направленными, стало быть, ударами стрессов, порождающими предсказуемые комплексы.

Куда наследника вашего планируете, так сказать, определить?

Папа почесал бровь, пожевал неторопливо, и говорит: спелеология. Может, папа надсмеяться вздумал над психологом, а может и нет, однако же малый был не дурак. Взял он авторучку, взял бумажку, да и набросал папе примерный план на месяц:

а) Будить посреди ночи криками «кровь! кровь!»

б) Внушить, что молоко пить стыдно.

в) Пугать, что пиявки заползут в писю.

г) Заставить носить меховые панталоны.

И зачитал шопотом, чтобы я не слышал. Прослушав план, папа поморщился и сделал психологу эдак ручкой — ступай мол. Дайте ему, сколько он там берёт. Психолог, пятясь и благодаря, отправился своей дорогой, а папа целый день ходил задумчивый и всё поглядывал на меня.

7. Истории безоблачного детства. О вишне

Один из самых ярких дней моего детства — когда мама принесла домой вишню. Мы с братиками столпились вокруг стола, толкаясь локтями, а мама убрала тарелки в сторону и бережно развернула тряпочку. Тряпочка была белой, и вишня вспыхнула на ней, загорелась багрово-красным. Крупная, сочная, со следом черенка. Затаив дыхания, мы смотрели на чудо. «Мамочка, а она настоящая?» — спросил маленький Толик. Колик ткнул его коленкой. «Да, сынок, это настоящая вишня! Режь, Ролли», — наша мама была молодая и взволнованная, золотоволосая, самая красивая. Я был самый старший и самый ответственный. Собрался, нахмурился. Резал уверенно. Разделил поровну, по-братски. И мы съели её, серьёзно и торжественно. Мы понимали, чего стоила маме эта вишня.

8. Истории безоблачного детства. О дедушке

— Мамочка, — спрашивали мы, когда были маленькими, — Где наши дедушки и бабушки?

— Ох, детушки, — отвечала мама, если была в духе, — милые вы мои. Когда-то давным-давно много было у вас и дедушек, и бабушек, и все хорошие, такие пригожие. А самый хороший был дедушка Григорий, был он богатырского роста, как в сказке, и много-много добра совершал, настоящие подвиги. Времена же тогда были лютые, голодные, еды не было совсем, только леса дремучие. Сильно голодал дедушка Григорий и вес терял с каждым днём, и добрые дела творить не мог. И решил тогда второй дедушка, Георгий — а он был обыкновенного роста — что ради добра должен он своё тело отдать дедушке Григорию, чтобы тот не пропал. Скушал дедушка Григорий дедушку Георгия и сил набрался, и ещё больше вырос, выше леса, и столько добра совершил, что птички запели и цветы зацвели. Совершил и снова проголодался, и думает: не съесть ли мне одну из бабушек? Жалко ему бабушку, но добро-то нужнее, и съел. И раздался дедушка Григорий, и вырос высоко-высоко, до самого неба, и стал творить ещё больше добра, всем народам на радость и утешение, а солнышко в небе смеялось и светило ласково. А как съел дедушка Григорий вторую бабушку, сделался он

таким огромным, что его даже и не видно стало, уж очень велик, и творит он с тех пор добро небывалое, необъятное, помогает самим архангелам.

— А нас он не съест?

— Не бойтесь, милые, у него теперь каждый зуб как галактика, а каждый жевок как тысяча лет — потому если и съест, то вы не заметите.

А когда мама была не в духе и ничего не отвечала, нам всё равно виделись в небе невероятные дедовы зубы, и мы старались делать всё скорее, скорее, чтобы успеть.

9. Мрачные застенки. Об окончании всего

Всё рано или поздно кончается — это знают даже малые дети, и я тоже это знал. Но паника овладела всем моим существом, и я не мог ничего знать. Полдня я таился у входа в гостиную, в тени вешалки, выдавливая дрожащим ногтем ложбинки на обоях. И, выбрав момент, скользнул в дверь.

— Маменька, — пискнул я, — папенька! Не отсылайте меня туда!

Они покривились — я нарушил их послеобеденное уединение. Но мне нужно было застать их вместе, умолить их вместе.

— Но сколько же можно, Ролли? Мы и без того из года в год откладываем отсылание, — волнуясь, мама подлила себе ещё мартини, продолговатые ногти стукнули о стекло. У ножки бокала дрожали сложные блики.

— Оставьте меня подле вас, маменька!

— Подле нас ты останешься доморощенным, — отстранённо сказал папа. Глубоко погрузившись в кресло, он качал ногою в лаковой туфле и поигрывал щипчиками.

— Оставьте меня подле вас, папенька!

Они смотрели на меня с холодным неодобрением. Я подбежал к папеньке, целовать ему руки, но к нему было не подступиться из-за локтей, колен, туфель, и я обернулся к ма-

меньке. Она, отгадав моё намерение, подняла руки высоко. Я упал и зарыдал, горько, с подвывом. Мамино чёрное платье непреклонно качнулось, она позвонила в колокольчик. Отведите его. Собирайте ему сундук.

А. Побег и скитания. У зелёного дантиста

После побега я был вынужден скрываться, и на некоторое время меня приютил в своём доме один добросердечный дантист. Он выделил мне маленькую комнатку с высокой кроватью на пружинном матрасе, тумбочкой и зелёным торшером. В те дни я ничего не мог делать, только лежал и лежал. Покрывало на кровати было мягким, в зелёный рубчик, и пахло пылью. Уткнувшись в него носом, я рассматривал рубчики. Иногда, собравшись с силами, отворачивал край и глядел на гладкую изнанку. Как так, думал я, с одной стороны рубчик, а с другой нет. Я ничего не мог делать, только шевелил пальцами на ногах, потирая их друг о друга, и кожа чуть-чуть поскрипывала. За распахнутым окном зеленели берёзы, шумели машины, а я постанывал от бессилия. Вечером приходил дантист, присаживался на матрас и кормил меня булкой с сыром, а потом угощал гадким пивом «Туборг грин». Дантист не переодевался после работы и расхаживал по дому в светло-зелёном халате, улыбаясь и заглядывая ко мне в рот. У него самого зубы росли мелкие, округлые, на расстоянии друг от друга. Я не сомневался, что он преисполнен всяческих подлостей, но прятал свою неприязнь, и только один раз, под конец, спросил, почему он так любит зелёный цвет. Даже ниссан у тебя зелёный. Дантист ответил,

что зелёный успокаивает. Выходит, ты испытываешь необходимость в успокоении? Тебя что-то тревожит? Нет-нет, рассмеялся он, просто я по природе своей спокойный человек, и люблю всё спокойное. Может, спросил я, ты и в партии зелёных состоишь? Почему бы и нет, ответил он, что в этом дурного? Мне нечего было сказать, и я молча смотрел в потолок. Я ничего не мог делать, сил не хватало даже на отвращение к этой сволочи. Как только я немного окреп, то сразу ушёл, оставив на тумбочке сумму, изрядно превышавшую приличия. Мне хотелось, чтобы он почувствовал моё презрение. С тех пор мы никогда не встречались, и что с ним стало, я не знаю.

В. Истории безоблачного детства. О синем дантисте

Давным-давно, когда мы были маленькими, летние каникулы длились не три месяца, как у нынешних школьников, а целых шесть. А в високосном году и все семь. А иногда и на восьмой месяц можно было прийти и обнаружить на школе замок. Не говоря уж о том, что в первый учебный месяц тоже никто не учился, потому что директор школы ездил куда-то далеко на курсы повышения квалификации. Мы с братиками всё лето сидели дома и смотрели сериалы, уже со звуком, но ещё чёрно-белые, и все как один бессюжетно-нравоучительные. Поэтому мы не очень любили телевизор и почти его не включали, дни напролёт развлекая друг друга шарадами и фантами. Впрочем, сидеть дома нам не слишком нравилось, и мы с утра до ночи пропадали то на озере, то в лесу, то на заброшенной фабрике зубной пасты. А по вечерам, наевшись перед сном хлеба с компотом, мы высовывались в окно, в темноту и стрёкот кузнечиков, и прислушивались к разговорам мамы с папой, пьющих вино на террасе первого этажа. Обычно они строили неторопливые хозяйственные планы на завтра, иногда прерываясь на бабочек, слетевшихся к лампе, а потом рассказывали друг другу непонятные и зловещие взрослые сказки.

— Жил-был один человек, — начинал, например, папа.

— Может быть, помнишь — дантист из двадцатого дома?

— Как же, помню, — мама всегда всех помнила. — И что он?

— Рассказывают люди, что жил-был тот дантист, жил-был, и вот в одну осень появились у него под глазами синеватые круги. Он сначала подумал — от недосыпания, и стал дольше спать, сначала по девять часов, потом по десять, а потом и до самого обеда. Но круги не проходили, и даже понемногу увеличивались. Опечалился дантист, пошёл к доктору, и доктор велел ему бросить пить, печёнка мол у вас. Бросил дантист пить, а заодно и курить, тоже ведь вредно, и стал ждать. Но круги не проходили, а только синели понемногу. Огорчился дантист и пошёл к другому доктору, и тот велел ему кушать больше кальция и фосфора, селезёнка мол у вас. Принялся дантист кушать кальций, фосфор, а заодно и йод, тоже ведь полезно. Месяц кушал, два кушал, но и это не помогло — круги только пуще округлялись. Опечалился дантист и замазал круги тональным кремом. Посмотрел в зеркало и вздохнул с облегчением. Но увы... с каждым днём всё больше и больше крема требовалось, синева уже на щёки распространилась, хоть и немного побледнела. Разозлился дантист. И что мне до этих кругов, думает. Плевать на них! Что толку волноваться о том, на что не можешь повлиять? Попереворачивал он в доме зеркала — и зажил припеваючи. Но и этой уловки ненадолго хватило. Просыпается он однажды утром и видит: стало одеяло его синеватым, а засыпал

он вроде бы под белым, хотя точно не помнил. Глупости, говорит себе дантист, раз точно не помню, значит, ерунда это всё, значит, оно голубым и было. Но на следующее утро и стены в доме синеватыми стали! Подбежал дантист к зеркалу, переворачивает, и ах — он весь синий, как инопланетянин! Нет, нет, это бред, говорит себе дантист, это нервы, надо бы мне успокоиться и развлечься. Включил телевизор, а по телевизору шоу: учёные обнаружили в космосе синее гравитационное смещение! А зрители улыбаются и учёным аплодируют, наивные. Бросился дантист к окну, воздуха свежего глотнуть — а там уж и небо сплошь голубое!

— Ужас какой, — сказала мама.

— Упал тогда дантист в обморок, а когда очнулся — позвонил в смирительный дом номер три и сдался добровольно. С тех пор его и не видели.

— Какой самоотверженный человек!

— Да-да, настоящий альтруист! Представь, что было бы, не сумей он себя остановить...

С. Истории безоблачного детства. О чёрном дантисте

После вечерней сказки родители гасили лампу и обычно сразу укладывались спать, но мы некоторое время ждали, прислушиваясь: иногда в полной темноте следовала ещё одна история, вполголоса, совсем беспросветная.

— Помнишь того дантиста, из клиники на проспекте? — начинала, например, мама.

— Нет. Что за он? — папа никогда никого не помнил.

— Неважно. Жил-был на свете один дантист. И была у него странность — больше всего на свете он любил извиняться и просить прощения. Начиналось с малого. Подойдёт, бывало, к человеку на улице и говорит: извините, который час? Отвечают ему, а он благодарит и просит прощения за беспокойство. Вроде бы ничего особенного, вот только глаза какие-то подозрительно чёрные. Или, скажем, идёт перед человеком по тротуару, а потом вдруг остановится, в сторону отскочит и пропускает его вперёд с искренними сожалениями и поклонами. Или в трамвае — всем подряд место уступает, руку к сердцу прикладывает, а у самого слёзы покаянные на глазах. Чудак, думали люди, немного на вежливости сдвинулся, и улыбались ему, и охотно извинялись за всё, а иногда и сами встречно извинялись. Но, как видно, не удовлетворяли его такие простые прощения. Те, кто попро-

зорливее, предсказывали, что добром дантист не кончит. И действительно, вскорости совершил он безобразную выходку: вырвал клиенту три лишних зуба, а потом упал на колени, ноги обнял и ну слезами поливать. Ужасный скандал вышел! С тех пор прекратили к нему люди с зубами обращаться, и вообще всячески избегали. Как завидят его, на другую сторону переходят. Стал тогда дантист из-за угла выпрыгивать. Выпрыгнет, плюнет на штанину — и давай каяться униженно! Или жвачку мог в волосы вклеить, или гуашью облить, или юбку задрать. Долго его люди терпели, но когда он младенчика из коляски за ноги выхватил, чтобы потом перед мамашей извиниться, не выдержали: скрутили, кликнули санитаров и упекли в смиренный дом номер три. И простили, больной ведь человек, невменяемый. В смиренном доме дантист вроде бы затих, исправился, и в больничную церковь повадился ходить, у Иисуса прощение вымаливать. Тамошний батюшка его не любил, но придраться было не к чему — молится человек и молится. А через год, когда решили санитары отпустить дантиста домой, батюшка их предупредил: страшный это человек. Отчего, батюшка? — спрашивают санитары. Оттого, милые, что он у меня об Иисусе выпытывал — правда ли, что тот всех прощает. И что ж тут такого, батюшка? А то, что не хочет он, чтоб Иисус его простил. Псих он, батюшка, но не берите в голову, мы его обкололи до полной безвредности. И отпустили санитары дантиста домой. Месяц прошёл, другой прошёл, всё тихо. Но как-то раз

под вечер вдруг звонок у пожарников зазвенел — рыдает девочка в трубку и от ужаса задыхается: дяденьки, чернота во-круг расползается! Спасите! Сосед наш, дантист-чудовище, чёрные молитвы во весь голос читает! Кликнули пожарники санитаров и вместе к дантистову дому помчались. И видят: из дверей да из окон дантистовых вытекает чернота и клубится, и к небу поднимается, свет солнечный закрывая. Поняли тогда санитары, что задумал дантист непростимое преступление против рода человеческого! Выломали они с пожарниками двери, ворвались, а дантист сидит на полу среди свечей и инфернум призывает, раскачиваясь. Стали тогда санитары с пожарниками в него серебряными пулями стрелять, вмиг изрешетили, да всё зря. Вытекла из тела дантисто-ва его чёрная кровь, чёрным туманом испарилась и чёрной ночью землю окутала. Заплакали тогда санитары, заплакали пожарники, заплакал батюшка, и стали все вместе Иисуса о прощении молить. И было им прощение даровано, но лишь половинное. С тех пор укоротился день, и появилась ночь, и стали они сменяться ежедневно. А если в темноте прислушаться, то можно различить, как чёрный дантист бесконечно перед всеми извиняется.

— А если взять, да и извинить его? — предложил папа.
— Почему бы и нет, в конце концов, лично мне ночь даже нравится.

— Что ты! Не вздумай! Хочешь его ещё пуще раздра-нить?

Д. Истории безоблачного детства. О зубных щётках

Когда нам с Хулио, моим сводным братом, ещё дарили подарки на Рождество, за несколько дней до праздника мы традиционно перерывали весь дом в поисках подарочных носков. В Санту мы уже тогда не верили ни на грош и, переглядываясь как волчата, по несколько раз в день планомерно обшаривали каждую комнату.

В один из таких обысков мы наткнулись на месторождение зубных щёток: в нижнем ящике комода, под мамиными свитерами. Первую щётку, жёлтую, нашёл Хулио. «Ролли, смотри! Старая зубная щётка! И зачем она здесь?» — он скакнул на стул, распахнул форточку и швырнул щётку в тёмно-синие вечерние пространства. В тот день подарков мы не нашли, и на утро принялись за поиски с новыми силами.

На этот раз в комode рылся я. Щётка лежала на самом низу, между мохеровым свитером и газетой, устилающей дно. Ручка была серая, с серебристыми искорками. Щетинка ровная, белая. «Ролли? Ты чего там? Ну-ка... Вау... Обалдеть... Снова щётка, в том же месте!» И мы забыли о подарках, и занялись научными экспериментами.

Выяснилось, что щётки появляются в ящике исключительно по одной, при условии наличия не менее трёх свитеров в стопке, но никак не чаще четырнадцати раз в сутки.

Ручки: синие, красные, зелёные, палевые, в продольную полосу, в рубчик, с полупрозрачными узорами, с резиновой окантовкой, с пружинящим зигзагом; щетинки: новенькие и блестящие, с лёгкими следами пасты между волосков, пожелтевшие, стёртые до самого основания, крашеные перекистью, заплетённые в косички и даже седые.

Е. Истории безоблачного детства. О рождении Хулио

Когда мы были совсем маленькими, после обеда нас с Хулио укутывали и укладывали спать, а мы, конечно, терпеть этого не могли. Мы выжидали минут пять, высовывали из-под одеял ноги и начинали шептаться.

— Что ты помнишь своё самое раннее, Ролли?

— Ну... я помню, как мама принесла вишню. А ты?

— А я помню, как я родился.

— Врёшь!

— Не вру!

— А чем докажешь?

— Я помню всё. Помню акушерку: она была такая красивая! Чёрные волосы, прямые, как у индейки, и зелёные глаза. Я сразу влюбился в неё.

— Ты не мог влюбиться, ты же только родился.

— Мог! И она полюбила меня. Она взяла меня на руки и сказала: какой мужчина! Какой красавец! И я хотел ответить ей, что она прекрасна, как луна, но голос не слушался меня — я был мал. Я помню морщинки на её губах, а когда она улыбалась, они разглаживались. И она поцеловала меня, Ролли!

— Не может быть, у них же гигиена.

— Может! Она отбросила повязку и целовала меня, и на-

певала: мой богатырь, мой рыцарь! Любовь превыше гигиены, запомни, Ролли. А на щеках у неё были ямочки. И она щекотала меня, и покусывала пальчики.

— Мама бы не разрешила ей.

— Мама спала под наркозом. Мама спала, а мы целовались! Она носила короткий белый халатик, и расстёгивала его от жары — а на шее висело серебряное сердечко. И она купала меня в купели, и склонялась ко мне, и локоны падали, и халатик расходился, и мы плескались, и ныряли, и плыли. Ах, Ролли, какие у неё были ямочки! Она лежала на животе, а я лежал лицом на ямочках и гладил её ноги, и капли стекали, и засыхал песок, и пели пеночки. У неё был такой изящный нос, Ролли, как у герцогини, с чуть приподнятыми ноздрями и необыкновенно тонкий, и ушки просвечивались на солнце. Я каждый день дарил ей огромный букет бордовых пионов, и она зарывалась в них, а я подхватывал её и нёс на руках к реке, к ручьям и жаворонкам. И весь день играл военный оркестр, и ей так нравилась моя форма... Ролли? Спишь?

Ф. Истории безоблачного детства. О рождении Толика

В день, когда должен был родиться Валик, мы с самого утра расположились на лавочке в больничном парке, под большим клёном. Папа суетился, метался, раскатывал туда-сюда на такси, то за букетами, то за подгузниками, а мы беззаботно пили сидр и закусывали разноцветными пышками. Мы знали, что будет мальчик, и даже имя выбрали заранее, и теперь оставалось только гадать, каким он родится.

— Ах, только бы он родился красивым! — приговаривал Хулио, прикладываясь к бутылке.

— Не всё ли равно? — отвечал я. Сидр размягчал мой язык, и я мог выговорить несколько фраз подряд. — Намного важнее мыслительные способности. Пустоголовый омоневец, гоняющий демонстрантов, или поэт-авангардист — между ними же пропасть. Вот что важно.

— Ты ксенофоб, — вздыхал Хулио. — Ты толкуешь предвзято и узко. Нет, нет, главное — чтобы он родился красивым! Красота — превыше всего! Равно прекрасными могут быть как и плечистый омоневец в могучем бронежилете, в хищном прыжке, так и настигаемый диссидент с одухотворённым лицом, с флагом свободы. Главное — красота. Разве я не прав?

— Ты не прав! — сказал я, но тут двери больницы распах-

нулись, и на крыльцо с победными криками высыпали многочисленные врачи. Они размахивали руками и звали: сюда, сюда! спешите! радуйтесь! Забыв обо всём, мы побежали к крыльцу, а оттуда, из недр роддома, навстречу нам уже поднимался переполненный гордостью папа, неся на руках крупного младенца. Смотрите, дети, это ваш братик, Толик! Младенец дружески улыбался и подмигивал. А где же Валик? — удивились мы. Валика пока нет, — объяснил счастливый папа, — пока только Толик.

10. Истории безоблачного детства. О свободе выбора

Сразу после Толика родился Колик.

— Как вам ваш новый братец? — ликовал папа. — Смотрите, какой волосатый!

Мы сначала довольно холодно встретили Колика и заняли позицию молчаливого наблюдения. Папа же пребывал на вершинах торжества и фонтанировал новыми педагогическими идеями. К примеру, посоветовавшись с директором школы, он решил испробовать на Колике новый метод обучения младенцев речи. Недопустимо, объяснил нам папа, недопустимо и крайне чревато вдавливать в голову младенца слово «мама». Разве с таким подходом можно рассчитывать на то, что личность вырастет свободной и мыслящей? Дитя само должно выбирать свой стартовый лексикон! Папа принёс из библиотеки толстый политехнический словарь и с утра до вечера просиживал у колыбели Колика, читая ему статьи по алфавиту. В обеденный перерыв папу подменяла мама с Овидием и Вергилием, а на время первого и второго завтрака, раннего и позднего ужинов, полдника, ланчей и перекусов — подменяли мы. Расширяя папин метод, мы на все лады ругались Колику матами, а когда маты кончались — рассказывали в лицах анекдоты о прелюбодеяниях.

Но, несмотря на наши общие усилия, ровно в год Колик

откашлялся и отчётливо произнёс:

— Мама.

В растерянности и недоумении мы вопрошали папу: как же так? Значит, все наши старания пошли впустую? Но папу невозможно было сбить с толку или ввергнуть в уныние:

— Нет, детки, не впустую. Мы выполнили свой долг. Теперь мы уверены, что Колик не подвергался лингвистическому насилию и сделал свой выбор сознательно и обдуманно! — он высоко подбросил Колика и, словив, крепко поцеловал. — Ура! Шампанского!

11. Истории безоблачного детства. О рождении Валика

Однажды, ближе к обеду, папа громко позвал нас из гостиной. Отложив забавы, мы спустились вниз и замерли в почтительном ожидании. Папа посмотрел на маму, и мама кивнула ему.

— Дети, — сказал папа. — Мы долго откладывали и оттягивали, но теперь время пришло. Итак, новость: у вас есть ещё один брат. И пойдёте сразу знакомиться.

Мы были удивлены, но виду не подали. Вслед за папой и мамой мы прошли в правое крыло, поднялись по лесенке и оказались перед ничем не примечательной сосновой дверью. Папа нажал на ручку, толкнул дверь и пропустил нас вперёд. Светлая комната, аккуратная постель, стол, книжные полки с политехническими словарями. У окна, стесняясь, стоял худенький мальчик в костюме.

— Это Валик, — шепнул папа за нашими спинами, и они с мамой тихо удалились, не желая нам мешать.

Мы ревниво оглядели комнату и, не отыскав ничего интересного, спросили:

— Где твои игрушки?

Валик приоткрыл рот, потом закрыл и пожал плечами.

— Во что ты умеешь играть?

— В шахматы.

— А в тетрис?

— Нет.

— Мы тебя научим.

— Правда?

Валик вдруг необыкновенно оживился: он подбежал к нам, стал пожимать руки, смеяться, заглядывать в глаза.

— Так вот вы какие, мои братики! Папа очень долго не хотел меня к вам пускать, он говорил, что вы хулиганы и научите меня дурному. Но ведь это преувеличение? Правда? Теперь он махнул рукой и разрешил, непонятно отчего — быть может, убедился, что и я тоже хулиган? Ах, я уже знаю, что мы будем большими друзьями! Кто из вас Хулио, позвольте мне угадать? Ты? Ура! Вот видите, вот видите! Я так давно мечтал о вас, и вы даже часто снились мне. А я, снился ли вам я?

Мы были очень растроганы, сердечно целовали Валика и уверяли, что и он нам снился.

— Но что же это я! Прошу вас!

Он усадил нас за стол, принялся разливать чай и подвигать нам блюдечки с печеньем и мармеладом. И вдруг остановился и воскликнул:

— Или пойдёмте по грибы? По грибы, по ягоды! Вы любите ходить по грибы?

Мы одобрили грибы, и он засобирался: раскрыл шкаф, надел кашне и плащ, выбрал крепкое лукошко, причесал щёткой волосы и присел на кровать перешнуровать туфли.

Здесь его, по-видимому, настигло утомление: он сидел, опершись локтями на колени, и не двигался. Мы допили чай.

— Валик? Валик?

— Ах, оставьте.

Но мы, конечно, не оставили его, увели с собой и с тех пор больше не расставались.

12. Истории безоблачного детства. О мужчине

Однажды мы с братиками поспорили, в каком возрасте становятся мужчинами: в четырнадцать или в шестнадцать? Логически доказать ни одно из утверждений не удавалось, и нам пришлось обратиться к папе, хотя мы боялись, что он назовёт восемнадцать, и придётся ждать слишком долго. Но папа, как обычно, предпочёл конкретному ответу сказку:

— Давным-давно жил-был один мальчик, который тоже хотел поскорее стать мужчиной. Ему казалось это столь недостижимым, что он запасся терпением и положил себе возраст: восемнадцать лет. Долгие годы он провёл в ожидании, и вот наконец знаменательный день настал. Было много гостей, много торжественных речей, взрослые наручные часы и кортик в подарок. Несколько дней мальчик прислушивался к себе, но мужчиной себя по-прежнему не чувствовал. Наверное, надо научиться курить сигару и пить виски? — подумал он и приступил к занятиям. И научился, но это тоже не подвинуло его к цели. Тогда его осенило: всё просто! мне необходимо познать женщину! И он пошёл и познал. Мужчина я теперь или нет? — размышлял он, время от времени познавая для надёжности других женщин. Но неуверенность не оставляла его. Тогда мальчик записался добровольцем в армию и отслужил несколько лет, а в последний год

побывал на настоящей войне, где убил несколько врагов и чудом выжил сам, отделавшись контузией. Вернувшись домой, он, не задумываясь, женился, родил сына, посадил дерево и построил дом — как завещали классики. А чтобы закрепить результат, родил ещё одного сына и двух дочерей. После этого мысли о мужчине на некоторое время оставили его, но потом... потом возвратились с новой силой. Разбогатеть! — решил мальчик и занялся бизнесом. Было непросто, но за десяток лет упорного труда он достиг цели, и стал одним из богатейших людей города. Но мужчина не прекращал его мучить даже на террасе собственного палаццо на морском берегу. Власть! — пришло ему в голову как-то в ночи. Подумано — сделано. Переговоры с влиятельными друзьями, взаимовыгодные одолжения, совместные сделки, продуманные браки сыновей и дочерей — и вот он уже катался с мигалкой. Он приказывал, и ему с преклонением и страхом в глазах повиновались сотни людей. Но и это не утолило его желания стать мужчиной. Надо сделать что-то доброе, — пришёл к выводу мальчик, — что-то доброе и бескорыстное. Потратив половину состояния, он построил роскошную больницу для бедных и первоклассную школу для сирот, а особо нуждающимся назначил щедрые пенсии и стипендии. К тому времени и дед его, и отец умерли, и он стал самым старшим в семье. А в городе он стал самым уважаемым человеком, настоящим старейшиной. Борода его была необычайно длинна и седа, одевался он в белоснежный костюм, а в

руках носил дубовую палку. И вот тогда, когда мальчику исполнилось восемьдесят пять, он осознал окончательно: мужчиной становится тот, кто достойно примет смерть. И умер. Вот так-то, детки.

— Но папочка, выходит, что стать мужчиной при жизни совсем никак невозможно? — воскликнули мы.

Папа отвечал утвердительно, но глаза его лукаво щурились — и от этого становилось весело и вообще ничего не понятно.

13. Истории безоблачного детства. О букашках

Наш папа был необыкновенно сердобольным и сострада-
тельным человеком, убеждённым вегетарианцем, и относил-
ся уважительно буквально к каждой букашке. Он всегда но-
сил с собой линейку, чтобы проучить нас с братиками, ес-
ли мы вздумаем мучить котят или щенят. Впрочем, особой
склонности к издевательствам над животными мы не пита-
ли, и ему только однажды удалось подловить нас — когда мы
намеревались поджарить забредшего на кухонный подокон-
ник таракана с помощью увеличительного стекла. Папа ми-
гом построил нас по росту и сурово отчитал, грозя трибуна-
лом. Таракан, сказал он, это мирное население, которое спешит
домой к матушке, а та ждёт его, с надеждой смотрит в
окно, и выплакала уже все глаза! А вы? Что вы делаете? Вы
хотите расправиться с невинным крохотным существом как
бандиты, как злодеи, как куклусклановцы — и только за его
принадлежность к царству насекомых? О, и это мои дети!
Мы пристыженно хлюпали носами. Поняли? Не смейте его
трогать!

Единственным исключением из всех живых существ, под-
лежащих милосердию, была мошь. Папа ненавидел молей за
то, что одна из них проела дырку в его любимом шерстяном
шарфе, собственноручно связанным мамой. Завидев мошь,

папа издавал отважный воинственный клич, призывая всех нас на войну. Воевать полагалось тапками. Мы быстренько выгребали из шкафа тапки — их имелся целый стратегический запас — и бежали на призыв. Попасть тапкой в моль было сложно, но это только прибавляло нам храбрости и удали. С устрашающими криками мы швыряли в моль наши снаряды, поднимая пыль и грохот, обрушивая книги, картины и кастрюли, пока не прибежала мама. Она ловила моль и выпускала на улицу.

После подобных стычек папа удовлетворённо разглаживал усы и шёл на кухню к таракану, которого прозвал Отто, на немецкий манер. «Мир тебе, друг мой Отто! — торжественно провозглашал папа. — Мир и благоденствие! Прими гостеприимство дома сего, ибо оно исходит от сердца! Будь счастлив! Живи! Твори! Люби!» И крошил таракану булку. Мы однажды решили проследить, где живёт Отто, и делится ли он булкой со своей матушкой, но он ходил по кухне бесцельными кругами и, похоже, не имел ни пристанища, ни родных. Наверное, это одинокий таракан-странник, решили мы. И в самом деле, не прошло и месяца, как он исчез и больше не появлялся. Папа ждал полтора дня, а потом велел нам обыскать весь дом и сад — вдруг Отто стало плохо, и он лежит где-то, страдая и взывая о помощи? Но поиски ничего не дали, и папа был обескуражен и даже уязвлён. Некоторое время он надеялся на возвращение Отто, и его иногда можно было застать на кухне согнувшимся и заглядывающим под

шкафчики, но мы старались отвлечь его и просили рассказывать сказку.

14. Побег и скитания. В мокрых штанах

После зелёного дантиста я неделю или две прятался у приятеля, в одной из каморок цокольного этажа санстанции, где тот работал методистом. Он поставил мне раскладушку с серым брезентом на пружинах и положил комковатый тюфяк. Крыс нет? Крыс нет. Курить нельзя? Курить нельзя. Он оставил мне Евангелие, пакет гречки, алюминиевый чайник и кипятильник. Вот тебе ключ, запирайся изнутри и сиди. Туалет в конце коридора, но только ночью, чтобы никто не видел. Я поблагодарил его, и он ушёл. Было очень тихо, у стен стояли старые картонные коробки. Я открыл одну — пухлые связки бумаг, таблицы, цифры. У потолка — окно с решёткой, серое небо. Я заснул.

Днём я спал, а вечерами ко мне стали возвращаться детские страхи. Электричество на ночь отключали, и я с тоской глядел на темнеющее окошко. В первую же ночь я подвинул раскладушку к стене и положил в голову под тюфяк Евангелие. Лежал, скорчившись, и прислушивался к тишине. Предчувствие шороха, отчётливый пульс в затекающей руке. Шорохи приходят нескоро, только в полной темноте. Первый — самый тихий. Невольно сглатываешь, и глоток выходит пугающе громко. Смутные силуэты коробок, две звезды в окне. Шум машины, за который цепляешься слухом — по-

дольше, пожалуйста, подольше! Сворачивает — отблеск фар на потолке — пропадает. Долетает шум поезда, сглаженный, слишком далёкий, чтобы помочь.

Хочется в туалет. Сажусь. Как идти в такой темноте? Нагнувшись, как радикулитный дед, расставив руки, я нащупываю дверь, нащупываю в кармане ключ. Где скважина? Если я уроню ключ, придётся шарить по полу. Робко чиркаю спичкой — ослепительно! — щёлк-щёлк замок, распахиваю дверь. Длинный коридор уходит вправо и влево, трубы под низким потолком отбрасывают жирные тени. Чёрные повороты в глубинах коридора колеблются, смещаются. Спичка обжигает пальцы. Я захлопываю дверь, щёлк-щёлк. Схожу утром! Когда уже светло, но ещё никого нет. Ложусь, поджав ноги, закрываю глаза. Шорохи выжидают, а потом приходят снова.

Кто-то крадётся по коридору, неслышно, на цыпочках. Останавливается у двери. Пульс бьётся у меня в горле. Кто-то медленно-медленно приседает, подлезает в щель. Бред, бред! Никого там нет! Злость пополам с ужасом. Я героически поворачиваюсь на спину, и пружины выдают меня скрипом. Что-то лёгкое падает мне на лицо, и я с хриплым криком луплю рукой, вскакиваю! По ладони размазалась мерзость — то ли таракан, то ли паук. Я судорожно оттираю ладонь о тюфяк, чувствуя в штанах тепло и влагу. Обмочился! Рыча от отчаяния, стаскиваю штаны, трусы, стою с голыми ногами в тёмном подвале санстанции, жалкий и абсурдный.

Как мне стирать штаны? Как сушить?

Утром приятель выслушивает меня и предлагает принести подгузники. Чего стесняться? У нас в аптеке должны продаваться. А штаны давай сюда, у меня дома стиральная машина. Если нормально не постирать и не высушить — завалятся, будешь как бомж. Походи пока так, никто ведь не видит. Да ты не переживай, с кем не бывает, могло бы и хуже. Гречку-то варил? Вот тебе кастрюлька, только вымой потом, чтобы не присохло. Ничего, ничего, потерпи, брат, всё это временно. Он ищет глазами Евангелие, и я достаю его из-под тюфяка. Он одобрительно улыбается, кивает. Читай, читай, пока светло.

15. Истории безоблачного детства. О двух типах

— Большинство женщин, детки, можно разделить на два типа, — говорил нам папа, когда мы были маленькими. — Есть простые женщины, а есть женщины восторженные.

Он вздыхал, качал головой, и заранее сокрушался о тяготах и невзгодах, которые женщины обрушат в будущем на наши нежные головы. Женщины простые, ничего кроме денег не понимающие, будут требовать от вас деньги и презирать вас за их нехватку. Женщины восторженные, преклоняющиеся перед «великими людьми» или «великими идеями», будут требовать от вас совместного преклонения и презирать вас за то, что вы не велики. Папа скорбно смотрел нам в глаза и грустно обнимал за плечи. Мы хмурились. Мы не знали никаких женщин, кроме мамы, и считали, что папа говорит именно о ней. Папа подмечал это и делал оговорку — эх, детки! вот ваша мама совсем не такая. ваша мама особенная! А какая наша мама? — спрашивали мы, начиная гордиться, но папа уже опаздывал на работу, поспешно повязывал галстук, хлопал по карманам в поисках ключей, хватал шляпу и убегал.

Чтобы проверить, чем же отличается наша мама от ужасных женщин, мы с Хулио переоделись в Жан-Поля Сартра и в Альбера Камю, приклеили усы и бородки и вошли к ней.

Она смотрела сериал, крутя в руках пульт.

— Мы Жан-Поль Сартр и Альбер Камю! Мы пришли сообщить, что вы удостоены экзистенциальной премии в размере 100000 евро.

Мама усадила нас пить чай с лимоном и мармеладками, налила коньяку, предложила пледы. Она расспрашивала нас о Франции, рассказывала о своём житье-бытье. Напоследок она заметила:

— Большинство мужчин можно разделить на два типа — одни просто хотят потрахаться, а другие хотят, чтобы ими восхищались. Хотя бывают и исключения, вот как мой муж, например.

Мы не поняли, что значит «потрахаться», но заинтересовались. Во-первых, словом, во-вторых, папой. Мы переоделись в Анну Ахматову и в Марину Цветаеву и поехали к папе на работу, рассчитывая встретиться с ним во время обеденного перерыва. Нам надо было ехать на трамвае-тройке, но Хулио предложил сесть в семёрку, чтобы срезать угол. Из-за этого мы опоздали к папе и так ничего и не узнали. Но мы не унывали! Мы пошли к озеру, сидеть на обрыве и смотреть на чаек.

16. Истории безоблачного детства. Об винегрете

Наши мама и папа, как и все семьи в те светлые времена, жили в полной гармонии, душа в душу, и даже никогда не ссорились. Ну впрочем конечно иногда всё-таки ссорились, и даже довольно часто, но уж по крайней мере не то что нынешние пары. Теперь чуть что, сразу бегут разводиться! А тогда нет, и в мыслях такого не было, хотя ругались что ни день, даже вспомнить приятно. Например, папа мой был, как тогда говорили, *grammar nazi*, то есть за лишнюю запятую готов задушить, а мама превыше всего ценила свободу, и плевать ей было. И вот как-то раз папа её уличил, что она не имеет ни малейшего понятия, как правильно писать слово «винегрет». И он усадил её за парту, вместе с нами, двоечниками, и заставил писать «винегрет» сто строчек, а если хоть раз ошибётся, то двести. Чтобы не ронять его авторитет, она подчинилась и села и написала — с непроницаемым лицом. Но потом! Потом она пошла на кухню и приготовила четыре разных блюда, во-первых, традиционный винегрет, а во-вторых-3-4, новинки сезона: венигрет (со сладким перцем, кешью и диким рисом), винигрет (с бананом, вишней и ролтоном) и венегрет (с портвейном, цукатами и кока-кольной подливкой). Она сама их изобрела, а значит имела право именовать как хочет! И съел-то папа съел, и даже с удоволь-

ствием, но она заставила его запомнить, как называется каждое блюдо! И готовила каждый день, и если он ошибался в названии, то шёл стричь газоны, а он этого терпеть не мог, но не мог же он ронять авторитет.

17. Истории безоблачного детства. О любви

Когда мы были маленькими, мобильные телефоны были редкостью. И вот на Рождество нам подарили наш первый телефон, один на всех. Звонить было некому, но зато были игры — тетрис и змейка. Мы играли по очереди, а вечером Хулио выдумал баловство: разослать сообщения на случайные номера. Мы написали на десять номеров «Я не могу без тебя жить», и стали ждать.

Скоро пришли ответы: «Я люблю тебя, Машенька», «Будь ты проклят, мерзавец», «Вы не туда попали». Остальные не ответили.

А через пару дней пришло последнее: «В томленье сладком грудь моя трепещет, и робко нежности касается рука».

И Хулио целую неделю ходил сам не свой, впечатлившись. Он был твёрдо уверен, что этот ответ пришёл от прекрасной девочки, предназначенной ему судьбой, но терзался, мучился и страдал, не решаясь позвонить. Он влюбился. Наконец смелый Колик взял у него телефон и позвонил сам. «Это мужик», — сказал Колик, возвращая телефон и полагая, что вопрос исчерпан. Но Хулио только усмехнулся. И продолжал любить ту девочку.

18. Истории безоблачного детства. О полноценности и насыщенности

В нашем городке наделы земли вокруг домов были не прямоугольные, как везде, а шестиугольные, как соты. Делалось это для того, чтобы у каждой семьи было побольше соседей — не три, а целых пять. Конечно, при таком раскладе возникали известные сложности с улицами, но ведь улицы — это не главное, ни в градостроительстве, ни в жизни. А что главное? Главное — это полноценность и насыщенность, формулировали жители нашего города. А разве можно достигнуть полноценности и насыщенности посредством одной лишь шестиугольности? Увы, нельзя. Поэтому считалось полезным и правильным как можно чаще обмениваться домами и переезжать — и таким образом приобретать ещё больше соседей.

Наша семья переезжала не слишком часто, не чаще раза в год — потому что папа был человеком солидным и размеренным, а мама была переборчивой и соглашалась только на просторные дома, «чтоб мальчишки не наталкивались друг на друга». Но многие из горожан, у кого семья была небольшая, или вовсе одиночки, менялись домами чуть ли не каждый месяц. Транспортные компании процветали; на улицах ежедневно случались затяжные пробки из-за длинных синегризовых фур, пытающихся вписаться в запутанные поворо-

ты переулков. С самого утра по всему городу дымили дизели, сновали менеджеры по недвижимости, ругались грузчики, голосили хозяйки расколовшихся роялей...

Печальную известность приобрёл один из горожан, немолодой химик-неорганик, страстный любитель переездов, который к пятидесяти трём годам внезапно обнаружил, что пожил абсолютно во всех домах города. Те, кто в момент обнаружения находился неподалёку, рассказывали, что химик издал необычайной силы крик, протяжный нутряной вой, от которого у слышавших похолодели руки и покрылись мурашками спины. Он выскочил и побежал по улице, колотя себя в грудь и разрывая одежды, рыча и хрипя, сея панику среди цветочниц и бакалейщиков. Его удалось успокоить лишь бутылкой плодового вина, причём одни утверждали, что он принял её внутрь, а другие, злые — что получил ею промеж глаз. Потом несчастный поселился в палатке на краю города, у нового строящегося дома — он дни напролёт просиживал на поддонах с кирпичом, в молчаливой тоске, а прорабы его прогоняли. Но на дом уже была очередь, и химик вскоре пропал. Одни говорили, что он подался в другой город, а другие, злые — что строители его замуровали.

19. Мрачные застенки. Это наше Училище

Папин ниссан прощально гуднул, развернулся, хрустя гра-
вием, и покатил назад, к далёкому дому. Я без слёз, без крика
смотрел ему вслед. Как только я моргнул, ниссан растворил-
ся в рощах, а меня взял под локоток хмурый старик-прово-
жатый. Я был последним, остальные приехали на автобусе и
ждали только меня. Странные дети: в старых серых одеждах,
угрюмые, ковыляющие. Нас вели вдоль бетонного забора к
двухэтажному зданию из красного кирпича, и я рассматри-
вал спутников. Скрюченный мальчик в полушубке и кало-
шах, мальчик со шрамами на бритой голове, мальчик без ру-
ки, девочка с замотанной шерстяным платком огромной го-
ловой, девочка на костылях. Мне стало жутко и я стал смот-
реть на забор: как будто вафельный, весь из квадрати-
ков, с толстыми трубами и ржавой арматурой. У здания, с виду за-
брошенного, с пустыми окнами, нам велели построиться по
двое. Я оказался рядом с девочкой в чёрных очках, она по-
ложила лёгкую руку мне на плечо и улыбалась в простран-
ство. «Это наше Училище», — сказали провожатые старич-
ки. Они стали спускаться по лестнице в подвал. Это было по-
хоже на сказку о Гарри Поттере, но там дети шли по лестнице
вверх, а мы шли вниз. Холодные влажные стены, полумрак.
Внизу нас встречал маленький человечек, весь вывернутый,

с горящим взглядом, и спрашивал: как тебя зовут? И записывал в книгу. При виде меня глаза его вспыхнули особым светом: какой хорошенький! какой чистенький! Ролли? так-так... Мне было страшно, но я как будто оцепенел и не мог кричать. Нас провели в комнаты. Я поставил свой сундук на рундук и потерянно сидел. Окон не было, но кровать была мягкой, пружинной. Мальчик напротив меня, слабый, с бледными волосиками, не дожидаясь вопросов, стал рассказывать нараспев, раскачиваясь, как рабочие нашли его в соляной шахте и усыновили. Рабочие выкормили его пшеном и свиным жиром, благодетели. Посмотри, какие у меня пальчики, Ролли. И тогда, увидев его пальчики, я закричал.

1А. Истории безоблачного детства. О пресной воде

Когда мы были маленькими, папа почти каждый вечер заходил уложить нас спать, накрывал одеялами и рассказывал сказку. Папа знал множество мрачных и страшных сказок, и такие мы любили больше всего, но частенько он разбавлял их добрыми и оптимистичными, в воспитательных целях. А иногда случались истории, в которых вообще ничего невозможно было понять, например сказка про воду.

— Жил-был один человек, ни высокий ни низкий, ни худой ни толстый, и вот однажды он прочитал статью про экологию, в которой пугали всевозможными катастрофами и вымираниями. Особенно его ужаснуло — аж сердце сжалось — что может кончиться пресная вода. Почему именно это ужаснуло, а не дыры, скажем, в озоновом слое? Никто не знает. Может, он чаю много пил. Короче говоря, потерял он с тех пор и покой, и сон. Маялся-маялся, думал-думал, и придумал. Купил он домик в деревне с участком земли, разметил участок на квадраты, и на каждом квадрате стал рыть ямы. Выроет яму, забетонирует дно и стенки как следует, а потом наполняет её водой и крышку герметично прилаживает. Дело конечно непростое и небыстрое, но за год, не переутомляясь, он успел законсервировать двадцать кубометров. И дальше бы консервировал, но тут вода стала дорожать, до-

рожать, а потом и катастрофа грянула. Не осталось больше на земле пресной воды, и человечество вымерло. А тот человек свои запасы расходовал экономно, и ему до самой смерти воды хватило, лет двадцать ещё прожил. А носки в море стирал, стирать можно и в солёной воде, ничего страшного. Вот так-то, детки. Спокойной ночи!

Папа погасил свет и вышел.

— Жуткая сказка! — сказал Хулио с содроганием. — Все умерли.

— Но главный герой-то выжил! И дожил до естественной смерти, — сказал Колик. — Это хэппи-энд.

1В. Истории безоблачного детства. Об абсолютном чепчике

Наша мама до истерики боялась уховёрток. В детстве её напугала бабушка: если будешь плохой девочкой, она заползёт тебе в ухо и проткнёт барабанную перепонку! Мама, конечно, не перестала плохо себя вести, но с тех пор ложилась спать только в чепчике. Даже в летнюю жару! Папа пытался убедить её в смехотворности страхов: иронией, логикой, википедией, юными натуралистами, но всё зря.

Зато маме было легко делать подарки! Не надо думать. На Новый год, на Восьмое марта, на День рожденья — новый чепчик, кто на какой горазд. Папа отдавал предпочтение престижу и классике: чёрный креп-жоржет, красный атлас, золотая оторочка. Мне нравилась нежность: я выбирал мягкую пряжу пастельных тонов, шёлк и тонкую козью шерсть, вышивал наклонным шрифтом «Милая Матушка, Роланд Любит Тебя» и сердечко. Толик считал, что важна основательность и практичность: твидовые чепцы с меховой подбивкой, с ушами, резинкой и завязками, чтоб ни одно насекомое не пробралось. Валик мастерил артистичные хэнд-мэйды в разных стилях: дада и декаданс, Доре и Делакура, с неожиданными вставками из цветной соломки, линолеума или одноразовых стаканчиков. Хулио отказывался участвовать в этом безумии: он всегда дарил только цветы, только

красные герберы.

Ну а Колик — Колик маялся. Временное средство? Трогательный, но формальный подарок? О нет, Колик был не таков! Он взыскал абсолюта. Из праздника в праздник Колик дарил пустяковины: наволочку, кастрюлю или коробку конфет, а сам неустанно хмурил лоб, мучился, мыслил. Читал Апокалипсис и Е. П. Б. И вот однажды, на мамины Имянины, торжественно преподнёс: простой белый чепчик. С чёткой надписью на изнанке: «Уховёртка Умри Смертью Чёрной». И четыре страшных креста.

Надела мама чепчик, легла, заснула. А среди ночи раздался из спальни крик! Вбежал папа, вбежали мы. Рассказала — явился ей во сне Верховный Уховёрт, упал на колени и просит: «Сожги, матушка, чепчик этот зловещий, пощади моих детушек! Клянусь тебе церками своими царскими, что уйдёт наш народ из твоего дома навсегда и вовек близко не приблизится!» Что ж. Подумали мы и порешили на семейном совете: принимаем завет насекомый. Вышли в огород, выкопали ямку, да и сожгли чепец дотла. И землёю засыпали.

Вот так и перестала наша мама уховёрток бояться — поверила. Но чепчики всё равно любила по привычке.

А Колика мы с тех пор зауважали.

1С. Истории безоблачного детства. Первая картина Валика

Наша мама, большая поклонница искусств, часто водила нас в музей. В нашем городе был только один музей — художественный. Некоторые называли его галереей, некоторые — выставочным центром. Поскольку в наших краях с самого палеолита не рождалось ни художников, ни скульпторов, ни даже коллекционеров, то показывать в музее было ровным счётом нечего. Но его директор, человек бодрый и деятельный, не растерялся в сложной ситуации и развесил на стенах копии полотен великих художников. Принтеров, чтобы распечатать репродукции из интернета, в те времена ещё не было, и директору приходилось делать копии собственноручно. Рисовать он не умел, и все копии были текстовыми. Это выглядело немного странно — роскошные рамы с белыми листами ватмана и сдержанными строчками описания в центре — но зато музей мог позволить себе головокружительные собрания, которые и не снились столичным галереям. Рядом висели «Вавилонская башня» Брейгеля, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «Возвращение блудного сына» Рембрандта, «Благовещение» фра Беато Анжелико, «Демон» Врубеля, «Звёздная ночь» Ван Гога, «Оборона Севастополя» Дейнеки и ещё неисчислимое множество не менее известных картин. В первых залах рамы были огромными, на полстены, но ди-

ректор быстро понял, что места не хватает катастрофически, и из зала в зал размеры картин всё мельчали и мельчали, достигнув наконец формата листа писчей бумаги.

Из всех братьев только я охотно ходил с мамой в музей. Мне нравились чистота, пустота и тишина, громкий скрип паркета и обилие непонятных текстов. Остальные братья, заведя маму ещё издали, пускались наутёк. Кто-то прятался в сарае, кто-то в зарослях крапивы, кто-то взбирался на дерево и замирал. А кое-кого маме удавалось отловить и приобщить к прекрасному.

Валик тоже однажды попался ей, потеряв на бегу сандалию и из-за этого не успев затаиться между мусорных баков. Он был отведён в музей, где, в отличие от меня, испытал горечь и унижение. Ему случалось видеть на открытках, какими должны быть правильные музеи. Валик допускал, что пару текстовых картин — это забавно и занимательно. Но не весь же музей целиком! И он поклялся заполнить его стены настоящими картинами.

Первую свою картину Валик сделал из остановившегося будильника, разобрал его на частицы и разместив их на куске картонной коробки в виде развернувшейся спирали, устремлённой вверх.

Директор музея охотно принял её в дар и повесил на престижном месте — между Моне и Дега.

1D. Истории безоблачного детства.

О самом маленьком композиторе

Однажды, когда мы с Хулио пришли посидеть на обрыве у озера, мы застали там маленького человечка. Он был не карлик, а просто невысокий и худенький, около пятидесяти, в пальтишке. Беззаботно покачивая головой, он отламывал кусочки от булки, катал из них шарики и швырял чайкам. Это место было нашим, и мы предложили ему представиться, на что он с любезным видом отрекомендовался как самый маленький на свете композитор.

— Почём вы знаете, что вы самый маленький? А вдруг какой-нибудь Самmartини или Джеминиани был ещё меньше? — сказал Хулио.

— Дело не в росте, — ответил человечек. — Просто я мало чего написал. Всего-навсего одну коротенькую мелодию!

И он, подняв бровь, красиво пропел её: лу-лу-лу!

— Да, но если я напишу мелодию ещё короче? — сказал я из чувства противоречия. — Лу-лу? Тогда всё? Вы уже не самый маленький композитор?

— Всё равно я самый маленький. Всё-таки рост тоже влияет! Посмотрите — вы хоть и дети, но уже выше меня на полголовы и толще!

Возразить было нечего, и мы признали за ним его титул. Он отломил нам булки, и мы стали тоже катать и швырять,

а чайки не ленились и бросались даже за едва заметными крошечками. Самый маленький композитор рассказал нам, что больше всего на свете любит зефир в шоколаде, и у него всегда с собой коробочка. Он научил нас, как правильно его есть: нужно сначала аккуратненько обкусать шоколад, вот так, смотрите, а потом уже сам зефир, он тогда особенно нежный; и не зубами, а посасывать. Нравится?

1Е. Побег и скитания. В страшном доме

У своего приятеля на санстанции я провёл неделю или две, пока в один из дней он не сказал, что подыскал мне место получше. И вот, ранним-ранним утром, холодным, туманным, он отвёз меня на своём ниссане к женщине. Женщина эта была лет шестидесяти или шестидесяти пяти, с волосяным пучком на затылке, как раньше любили учительницы. Она улыбалась мне подкрашенными губами и показывала дом: здесь ванная, здесь кухня. Её единственный сын уехал работать в США программистом. Я вздрогнул и быстро опустил глаза, чтобы она не заметила, как заколотилось моё сердце. «Сын присылает мне ежемесячно некоторую сумму, чтобы я ни в чём не нуждалась», — продолжала она со сдержанной гордостью. Я заставил себя думать, что это просто совпадение — куда же мне идти, снаружи февральская пустота, голод. Мы жили хорошо, хотя немного странно: она вязала, я смотрел в окно. Что она вязала, кому? Я спросил у неё о фотоснимках в гостиной, и она отвечала с добрыми лучиками у глаз, что это все те, кого она у себя принимала, такие же болезные. Что значит «такие же» и что значит «болезные»? больные? болезненные? — думал я, но заставил себя думать, что это просто совпадение, даже не совпадение, а словосочетание. Мы жили хорошо: перебира-

ли рис и гречку, отделяя камушки. Но потом всё вдруг изменилось, исказилось, показало лицо. Она стала покупать пакеты со сладостями, печенье в пакетах, конфеты в пакетах, изюм в пакетах, и вспарывала пакеты ножом. Зачем вспарывать ножом? Ведь на пакетах делают специальные зубчики, чтобы разрывать руками? Или хотя бы ножницами? Вспоров пакет, она значительно взглядывала на меня, и я леденел. Пакеты лопались с сухим шелестом, багровые леденцы рассыпались по скатерти. Фотографии в гостиной немо кричали мне. Медлить было нельзя. Прихватив несколько программистских ассигнаций, в одну из ночей я бежал прочь из страшного дома.

1F. Истории безоблачного детства. О желаниях

Когда мы с братиками были маленькими, мы жизни не представляли без того, чтобы всласть не поподглядывать за соседями сквозь щели в заборе. Обычно за каждым из нас закреплялась своя сторона, и за ней полагалось тщательно наблюдать — а перед сном мы рассказывали друг другу увиденное. Время бежало, соседи сменялись, и чего только мы не насмотрелись!

Как-то раз Колику достался сосед с красной крышей, адвокат, доморощенный философ и большой чудак. Через несколько дней Колик рассказал, как тот прямо в пижаме вышел на крыльцо, простёр руки в стороны и кратко изложил свою философию:

— *Тот, у кого есть желания — глупец.*

— *Тот, у кого нет желаний — мертвец.*

— *Есть только один способ не быть ни тем, ни другим: методично и непрерывно делать то, что тебе может захотеться, ещё до момента возникновения желания.*

— *Иными словами, надо делать то, что тебе не хочется.*

Тезисы соседа произвели у нас фурор — мы забросили все остальные заборы, сосредоточили внимание на философском и были свидетелями тому, как сосед воплощает теорию в жизнь. Некоторое время он попросту водил к себе по

утрам разных дам, а к обеду напивался пьян — очевидно, предвосхищая таким образом позывы плоти. Но всё это получалось у него слишком легко и быстро прискучило; и он начал искать дела, которые бы ему не хотелось делать в большей степени. Он стал подниматься на заре, обливался холодной водой и подолгу изнурял себя упражнениями с гирей. Вскорости же, видимо почувствовав вкус к спортивному образу жизни, бросил его и перешёл к сложным и бессмысленным занятиям: выбирал горох и чечевицу из золы, как у братьев Гримм, выбирал просо из мака, как у Шарля Перро, выбирал наконец мак из мака, замеряя каждую маковку штангенциркулем и отмечая показания в таблице. Но и этого адвокату было недостаточно — он часто вскакивал, плевался и потрясал кулаками от недовольства. Мы уже не сомневались, что дело добром не кончится, так оно и случилось. Однажды утром мы увидели, как адвокат вышел из дома, неся верёвку и наручники, и решительно зашагал к высокой яблоне. Толик тут же бросился вызывать пожарных, а мы в страхе смотрели, что будет. Сосед вскарабкался на яблоню, привязал к суку верёвку, верёвку привязал к наручникам, а наручники защёлкнул на сведённых за спиною руках. Вдалеке уже выла пожарная сирена, но он успел осторожно соскользнуть с ветвей и повиснуть. Руки выкручивались, выламывались у него за спиной, он рычал от боли, но лицо его сияло от необыкновенной полноты жизни — вот сейчас он и вправду не был ни мертвецом, ни глупцом! Через четверть часа пожарные

уже сняли соседа, выслушали, поставили двойку по логике и отвезли в смирительный дом номер пять. С тех пор мы его и не видели, наверное, он нашёл своё счастье где-то там.

20. Истории безоблачного детства. О порке

Наш папа был самым мирным человеком на свете, и телесные наказания не принимал принципиально. Но только пока дело не касалось литературы! Если один из нас получал двойку по литературе, то папа розовел от ярости, вспоминал, что он фронтовик, и командовал: выпороть его! Порка была нашим любимым развлечением — двоек было много, пороли что ни день, и каждый желал отомстить другому за вчерашнее. Мы даже заранее начинали вытягивать ремни из штанов, когда видели, что кому-то вот-вот будет двойка. Столько весёлых историй случалось! Например, однажды Колик назвал Набокова сытой буржуйской отрыжкой и, не дожидаясь оценки, выскочил в окно и забрался на старый дуб. Мы потрясали ремнями, а он хохотал и швырял сверху жёлуди. Багровый от гнева, папа рывкнул: пилите!! Мигом нашлась пила, но тут выступил Валик: я не буду пилить. Что?! Ты что — грязный толстовец?! Я не грязный, с достоинством отвечал Валик. Теперь папа даже почернел. Выпороть!! Мы с воплями набросились на Валика, а Колик спустился с дерева и помогал.

Мама потом всегда подолгу утешала папу: они ведь не со зла, а по неразумению. Малые ведь совсем, несмышлёныши.

21. Истории безоблачного детства. О заторможенности

Наша мама всегда была очень добра к нам и никогда ни за что не ругала, а если и ругала, то только за безделье. Но бездельничать, тупить и тормозить мы любили больше всего на свете: складывали руки на столе, опускали на них голову и забавлялись, фокусируя и расфокусируя глаза. Или смотрели в окно, дивясь птичкам небесным. Или просто лежали, водя пальцами по обоям. Мама, когда видела это, нападала на нас и громко кричала — она хотела, чтобы мы были деятельными и целеустремлёнными. А папа, не желая открыто противоречить маме, но желая нас защитить, смягчал обстановку:

— Послушай, мамочка, сказку. Жил-был один мальчик, очень славный, но невероятно заторможенный — до такой степени, что никогда не успевал делать уроки, никогда ничего не помнил, и год из года оставался на второй год. И вот в десять лет мальчика обследовали эксперты — и заключили, что его развитие соответствует четырём годам, и перевели в спецшколу. Зажил заторможенный мальчик в спецшколе. Там на него нарадоваться не могли: и вежливый, и приветливый, и весёлые песни напевает неизменно. Кроме того, он выучился писать каллиграфическим почерком и замечательно чертить. И полетели годы... И вот в двадцать лет

мальчика снова обследовали эксперты — и заключили, что его развитие соответствует семи годам, но что довольно его кормить из кармана налогоплательщиков. Заторможенного мальчика устроили в проектное бюро чертёжником, чтобы он копировал инженерные чертежи. И он копировал самозабвенно! Да так точно и искусно, что сам Верховный Архитектор свои проекты никому кроме него не доверял. И полетели годы... Сверстники мальчика давно обзавелись семьями, усадьбами и автомобилями, а он ничего вокруг не замечал, только чертил и чертил упоённо. А уж как он циркули свои любил! Бывало, откроет готовальню и любитесь, водит пальцами по бархату — и так часами. И медленно-премедленно взрослеет. Сменялись инженера, сменялись Верховные Архитекторы, у сверстников внуки вырастали, и вот исполнилось мальчику шестьдесят восемь лет. И вот обследовали его снова эксперты и говорят: развитие вашей личности соответствует пятнадцати годам. Клёво! — думает мальчик. Пошёл он по улице из клиники в бюро, а кругом весна! Солнышко, птички, котятки! Идёт он мимо школы и видит вдруг девочку, на год или на два младше, но такую! И платьице короткое, в горошек, и лаковые туфельки, и косица, и веснушки! Покраснел мальчик, заробел, но всё-таки осмелился — подошёл к девочке и говорит: ты классная! давай дружить? хочешь конфетку? Но девочку аж перекосило, и как закричит она: караул! подлец домогается! Выскочили тут няньки, выскочили мамки, прибежали жандармы — и ну мальчика

вязать, ну бить, ну проклинать! Ах ты грязный старикашка! Ах ты выродок! Ах подонок! Его счастье, что не успел он ни дотронуться до девочки, ни поцеловать — отпустили его, но поставили на особый учёт. А потом он вскорости заболел, да так и помер пятнадцати лет от роду, непонятый и отвергнутый...

— Вот и я о том же! Нельзя детям разрешать тормозить!
— сказала мама и стала нас ещё пуще ругать.

22. Истории безоблачного детства. О зловонном человеке

Когда мы были маленькими и едва ходили в начальную школу, с южной стороны нашего дома проживал невероятно зловонный человек. Подсматривая за ним сквозь щели в заборе, мы с братиками были вынуждены прижимать к носам платочки с фиалковой водой — столь тяжёлые миазмы он источал. А иной неосторожный мотылёк, пролетая рядом с его раскрытым ртом, в тот же миг падал замертво. Сосед наш от этого несказанно страдал, и каждое утро, в надежде на неожиданное освежение дыхания, выходил в палисадник и робко раскрывал рот — но мотыльки неизменно сыпались, как яблоневые лепестки. И всякий раз сосед мучительно плакал, всхлипывая и содрогаясь. А однажды, чтобы хоть как-то загладить свою вину перед мотыльками и бабочками, он решил известить единственного в нашем городе энтомолога. Сосед подстерёг энтомолога на углу возле парикмахерской, схватил за воротник и стал дышать ему в лицо. Энтомолог вырывался, но мы с братиками подросли и помогали держать. Энтомолог извивался, терял сознание, просил пощады и вопрошал — за что? о, за что? Когда мы объяснили ему, за что, он поклялся больше никогда не ловить бабочек. Сжалившись, сосед закрыл рот и знаками велел нам отпустить негодяя — потому что у каждого должен быть шанс, детки,

даже у самого закоренелого мерзавца. С тех пор мы подружились со зловонным человеком, он оказался вовсе не зол и даже приятен. Иногда он заходил к нам в гости, предвзя своё появление звоном бронзового колокольчика, чтобы наши родители успели намочить платочки розовой водой и прикрыться. А мы с братиками так и вообще привыкли к его запаху. Теперь мы различали в нём различные оттенки — дёготь, имбирь, корица, морские ракушки — только слишком сильные.

23. Истории безоблачного детства. О неизвестном человеке

— Папочка! — сказали мы папе как-то раз, когда он ел булку, — Мы хотим вырасти и стать знаменитыми! Все будут нас знать, а ты будешь гордиться.

Мы думали, папа обрадуется и станет нас целовать, но он даже не улыбнулся.

— Экая скука, — махнул папа рукой. — Такого любой балбес хочет. Вот вы бы попробовали похотеть наоборот — чтобы вас никто на свете не знал! Не пробовали? То-то же. А ведь бывает. Вот послушайте, — он отодвинул булку, отряхнулся и стал рассказывать. — Жил-был на свете один весёлый мальчик, беспечный и глупый. Ходил он прилежно в школу, мечтал стать известным артистом, дружил с мальчиками, дружил с девочками, дружил и дружбой дорожил, а в одну девочку даже был влюблён. И вот однажды на большой перемене, отобедав макаронами, капустой и кефиром, разговаривали они все вместе, шутили, смеялись — и мальчик нечаянно от смеха не сдержался и издал из попы очень громкий звук. Настолько громкий и отчётливый, что даже на другом конце класса повернули головы. А девочка, в которую он был влюблён, стояла ближе всех — и ей пришлось зажать нос и убежать, не из зловердности, а по объективным причинам. А из коридора вошёл завуч и стал мальчика обес-

покоенно расспрашивать, хорошо ли кормят в столовой. Тут и звонок прозвенел, и мальчика даже подразнить не успели — но весь урок он просидел пригнувшись, дрожа и умирая от позора. После урока он выскочил за дверь, побежал домой и пожаловался маме на колики. Его показали доктору, дали пилюли и оставили дома до конца недели. За эти дни мальчик сильно переменялся и повзрослел, стал мало говорить и много думать. Упросил он маму, чтобы перевела его в другую школу, в другом районе, подальше от срама. Но и в новой школе не успокоился: всё боялся, что слухи о громком звуке и сюда дойдут. Ни с кем не дружил, никого не любил, всё молчал и глаза прятал. Серьёзным стал, вдумчивым. Доучился кое-как до неполного и поехал в соседний город, записался на рабфак на токаря. Там мальчика понемногу отпускать стало... Но и месяца не прошло, как увидел он в училищах ту самую девочку, которая нос зажала и убежала — она, оказывается, изучала здесь ткацкое дело. И вроде бы она его тоже заметила, и вроде бы поморщилась, но издали не разобрать. Не собирая вещей, мальчик словил такси на вокзал и вскочил в товарный поезд. Он провёл ночь, день и ещё ночь на куче угля. И решил твёрдо: меня не должен знать никто на свете. Поезд привёз его в далёкий большой портовый город, где его никто не знал и знать не хотел. Мальчик надвинул кепку, снял угол в коммуналке для слепых, и стал жить подённой грузовой работой, то в порту, то на рынке, то на вокзале. После смены не пил; запирался на ключ и меч-

тал, как пройдут годы, и рано или поздно никого не останется, кто слышал и знал. Раз в месяц заходил в соцсети, проверял, сличал по бумажке. Долго жили, сволочи, долго. Но постепенно всё ж начали вымирать — а куда денутся. И сам мальчик уже старенький стал, еле ноги волочил, устроился истопником в общественную баню. И вот однажды на восьмое марта зашёл тот мальчик в интернет и видит: все околели наконец! Один я остался! Никто меня не знает в целом мире! Вот только та девочка живучая... Последняя, гадина, и ещё стишки пишет, в гроб не торопится:

Пахнуло чернозёмом, торфом, рыбою;

Пахнуло перегноем, поздней осенью;

Меня пронзило счастьем неиспытанным;

С тех пор молю: приди, мой царь единственный!

А ну как меня переживёт? Забеспокоился мальчик, засобирался. Взял он с собою булку, взял кочергу, да и поехал на товарном поезде... Да и доехал... Мда... Вот так-то, детки.

24. Истории безоблачного детства. О законах статистики

— И что же, и что же, папенька?

— Что случилось с ними потом?

— С мальчиком и девочкой?

— Они помирились?

— Они поженились?

Папа не хотел рассказывать дальше, но мы пристали к нему — прыгали вокруг, теребили за рукав, заглядывали в глаза и мешали есть капусту. Со вздохом он отложил ложку и раскрыл рот — и мы тут же побледнели, затихли и крепко-крепко обхватили его за ноги, предчувствуя ужасы.

— Как доехал мальчик, так спрашивает у людей: где здесь проживает Тереза Николаевна Ласункевич? Показывают ему люди — иди туда. Пошёл он и видит — стоит дом. Поднялся он на крыльцо, позвонил в звоночек — а звоночек протяженький, тревоженький, а кнопка с трещинкой — и ждёт. Задвигалось что-то внутри, вздрогнуло, скрежетнуло отдалённо, и голос изнутри ему смиренно говорит: войдите. Открыл он дверь, а за ней ещё одна дверь, как в тамбуре, и голос изнутри его покорно просит сперва наружную закрыть, чтобы сквознячком старые косточки не протянуло. Тут бы ему сообразить, что ловушка это, но он от волнения не сообразил — живот втянул и дверью хлопнул. Щёлк! И закрылся замок.

И тишина. Рванулся мальчик, ломанулся, подналёг плечом, наподдал ногой — но напрасно всё, крепки двери дубовые, сильны засовы калёные. Была у него кочерга с собой, да не поднять её, уж очень узко. Захрипел он тогда, закашлял: на помощь! на помощь! спасите, люди добрые! А сам слышит изнутри нехороший смех. Открывается во внутренней двери окошечко, и оттуда та девочка, уже старуха древняя, хохочет и пальцем тычет. «Обхитрила я тебя, червячок! Не пережить тебе меня, как ни тщишься, как мудрствуй, ибо всеильны законы статистики — женщина живёт дольше. И знай: твой громкий звук я помню отчётливо! Будто в уши впечатался!» Как услышал это мальчик, так и скорчился весь в стыдливых судорогах, а старуха визжит и кулачками победно трясёт: помню! помню! так и сдохнешь опозоренным! Но он ещё несколько дней продержался, потому что взял с собой мисочку капусты. Знаете, такие металлические мисочки с прозрачной крышкой? А потом умер, от голода и унижения.

После этого рассказа мы с братиками долго плакали, но папа только плечами пожимал: сами, мол, напросились. Идите, идите.

25. Истории безоблачного детства. О путешествиях на кухню

Когда мы были маленькими, случались дни, в которые хотелось далёких путешествий и рискованных приключений, но шёл дождь. Многие бы спасовали и мучились от безделья, но только не мы! В таких случаях мы с братиками предпринимали табуретную вылазку на кухню. Мы запасались провиантом, пресной водой, порохом и крепкими верёвками, садились на табуреты и широкими ремнями прикручивали ноги к ножкам, чтобы ступни не касались пола. Нужно было, рванувшись всем телом вверх, сместить центр тяжести и прыгнуть на сантиметр-два вперёд, или хотя бы подвинуться наискосок на трёх ножках. Во главе шёл отважный Колик, следом храбрый я, за мной смелый Хулио, за ним бывалый Валик, а замыкал экспедицию неутомимый Толик. На путь по комнате до порога уходило полчаса. Вздрыбленная твердыня порога была первым серьёзным испытанием — преодолеть его могли лишь сильные личности, и то после долгих изнурительных попыток. За порогом пролегал длинный неизведанный коридор, прямой, но полный опасностей — ковров, выбоин в паркете, тумбочек, сундуков и стыков линолеума. Мы двигались гуськом, светя фонариками и подбадривая друг друга воинственными возгласами. Путь был долог и непрост, но нам придавала сил мысль о папиной комнате в

конце коридора. Заслышав нас, он выходил и махал изда-
лка рукой, а когда мы приближались, радушно приветствовал
и угощал вяленным овечьим сыром. Он читал нам простран-
ное напутствие, гладил по головам и умилённо благослов-
лял. Укрепившись духом, мы покидали его гостеприимное
пристанище, одинокий форпост перед диким ущелием лест-
ницы. Устрашимся ли отвесного спуска, ледящего кровь?
— спрашивали мы себя, и твёрдо отвечали: нет! Колик уже
стоял у обрыва и, бросив на нас мужественный взгляд, хва-
тался за перила и прыгал навстречу скалистым расщелинам.
Ценою невероятных усилий спустившись на одну ступень-
ку, он протягивал мне снизу крепкую руку, и я устремлял-
ся вслед за ним. Что может быть надёжнее руки брата! Мы
начинали нисхождение. Ножки табуретов скрипели, треща-
ли, пропасть зияла, тектонические изломы разверзались, и
все надежды мы возлагали на двух богинь: Судьбу и Форту-
ну. Сколько раз мы были на волоске от падения! Но бесстра-
шие, стальная выдержка и непреклонная воля вели нас от
ступени к ступени, всё ниже и ниже. И вот мы уже внизу,
на бескрайней, засушливой равнине прихожей. Утерев пот и
допив остатки воды, мы бросались в последний рывок, ров-
ный, но самый трудный. Усталость и голод тянули нас к по-
лу, но нужно было допрыгать, допрыгать любой ценой. Ху-
лио, дрожа, опирался на моё плечо, Толик тянул за собой
Валика, а Колик, сдвинув брови, неукротимо скакал впере-
ди. Но нашей верной наградой была кухня, уже проступаю-

щая на горизонте, она придавала нам сил. Уже различалась в проёме двери фигура мамы, она держала козырьком руку над глазами, всматриваясь в пыль и марево пустыни. Завидев нас, она срывала с головы платок и счастливо махала, а потом исчезала в кухне. И тут мы обретали второе дыхание — Хулио, хрипя, вырывался вперёд, его обгонял Валик с горящими глазами, Толик настигал, и все мы одновременно вваливались в кухню. Стол был уже накрыт: пироги, блины, булки, пирожки, кексы, крендели, пирожные, пряники, печенье и огромный торт — залитый кремом, шоколадом, украшенный свечами, бумажными цветами и крупной клубникой. Вкус победы!

26. Истории безоблачного детства. О двух мудрецах

А иногда, утомлённые дерзаниями и свершениями, мы с братиками чувствовали тягу к тихому и прилежному духовному совершенствованию. Тогда мы отправлялись к папе и просили его рассказать поучительную сказку.

— Папенька, а кто был самым мудрым человеком на земле? — например, вопрошали мы.

— Самых мудрых людей, детки, было сразу двое, — отвечал папа, не задумываясь. — И каждый из них, проведя десятки лет в аскезе и возвышенных размышлениях, создал своё учение. Оба учения были необыкновенно глубокими, достигающими самого дна бытия, но друг на друга они ничуть не походили. Первый мудрец учил, что бытие несказанно сложно, и должно молчать, ибо даже малейшая речь будет чрезмерным упрощением. Второй же мудрец, напротив, учил, что бытие несказанно просто, и должно молчать, ибо даже малейшая речь будет чрезвычайным усложнением. Оба мудреца ходили по городу — да-да, они оба жили в нашем городе — и несли людям свет Истины. Да-да, от них исходило волшебное сияние, и люди, приближающиеся к ним, избавлялись от недугов, как телесных, так и душевных. И вот однажды пересеклись пути двух светлых мудрецов, на пустыре за спичечной фабрикой. Увидели друг друга мудре-

цы и остановились. Люди же, следующие за ними, сотня или даже тысяча, тоже остановились в почтительном отдалении. Мудрецы в молчании опустили на траву и смотрели друг на друга с одобрением, а среди людей от такой концентрации мудрости прошла волна радости и умиления. Долго сидели мудрецы без движения, распространяя вокруг благо и добро. Наконец один из них поднял руку ладонью вверх — и люди, увидев сей знак, возликовали, а некоторые излечились от проказы. Другой же в ответ улыбнулся — и люди при виде сей улыбки заплакали от счастья, а некоторые исцелились от холеры. Когда же мудрецы поднялись с травы и сделали шаг друг к другу, все люди просветлились и хором запели хвалу Создателю, а когда мудрецы раскрыли рты, все до единого вознеслись на небо. Так никто и не узнал, что сказали друг другу самые мудрые люди на земле.

Папа замолк, а мы с братиками, потеряв всякую прилежность, стали наперебой спрашивать, что было дальше с мудрецами — они просто поздоровались? или стали спорить? или всё же промолчали? или взялись за руки, и произошла аннигиляция? или соединились в одного, вдвойне мудрого? — но папа сказал, что это великая тайна, которой никто не знает. Вот будете за спичечной фабрикой — поищите там. Может, что-нибудь найдёте.

27. Истории безоблачного детства. О законе сохранения

В детстве мы с братиками были одного роста и одного размера, и могли запросто меняться одёжками и ботинками. Только Колик немного отличался — у него была крупная голова, на размер больше, чем у нас. Колик с гордостью носил папины шапки и шляпы, а мы тихо завидовали и дружно мечтали о больших головах. Думал он всегда медленнее, потому что биохимическим сигналам приходилось проделывать увеличенный путь, но зато часто выдавал неожиданно оригинальные мысли. Например, когда директор школы на уроке физики рассказал нам о законе сохранения энергии, Колик долго соображал, а потом спросил: нельзя ли этот закон распространить и на метафизику? В форме закона сохранения добра? Директор, не раздумывая, согласился, похвалил Колика и поставил ему десятку — он любил активное участие учеников в уроках. Но Колик уже тогда был человеком дела — мысли для него были лишь подготовкой к действию. Вечером, перед сном, он попросил нашего внимания и произнёс краткую речь:

— Братья! Добра в нашем мире строго определённое и неизменное количество. Если кому-то хорошо, то кому-то где-то обязательно плохо. И это не абстрактное рассуждение, а прямая зависимость! Поэтому долг каждого сознательного

человека, стоящего на позициях гуманизма — ограничить себя в добре и счастье, чтобы другим людям, пусть неведомым и случайным, его прибыло. Вы согласны?

Мы были взволнованы и согласны.

— В таком случае, предлагаю сейчас ложиться спать, а утром выбрать, от какого удовольствия мы откажемся ради счастья других людей!

С чувством большой ответственности мы погасили свет и заснули, а наутро провели дебаты и голосование. Ради всеобщего блага мы решили пойти на серьёзную жертву — навсегда отказаться от утреннего гоголь-моголя, столь любимого нами с младенчества. Надев парадные костюмы, мы спустились вниз и торжественно объявили о своём непрестом решении маме. Мама, всплеснув руками, сразу прониклась нашей альтруистической идеей и даже прослезилась от гордости за сыновей. Она кликнула папу, радостно объяснила ему, и папа тоже проникся. Он крепко расцеловал всех и, громко восторгаясь, побежал в гастроном за эклерами и шипучкой, чтобы отблагодарить нас от имени человечества.

С тех пор, верные детскому обету, мы больше никогда не ели гоголь-моголь.

28. Побег и скитания. В уютной щели

После страшного дома матери программиста я зажил припеваючи. От денег распирало карманы, и я чувствовал себя таинственным богачом, из особой прихоти прохаживающегося ранним утром во дворах пятиэтажных предместий. Все кругом торопливо выгуливали собак, кашляли и бежали на службу, выбрасывали по пути чёрные пакеты с мусором, а я с весёлым видом сидел на скамейке и ёжился от бодрого морозца. Люблю прохладу, люблю ледок! Хорошо никуда не спешить и смотреть, притопывая. Семьянины с развитыми торсами швыряли мусор в баки издалека, с размаху, и карабкались в высокие ниссаны; старушки в пальто опускали свои обвислые мешочки робко, как бы с сомнением, и оглядывались на меня. Нужны мне ваши мешочки! Вместо мешочков я пошёл покупать себе зимнюю куртку, магазин как раз открылся, но продавцы-патриоты сказали мне, что валюту не берут. Я обратился в обменную лавочку на углу, но менялы сказали мне, что единички не берут. «Единички?» «Единички». К лицу ли препираться? Я вернулся во дворы, посвистел в арке, перевязал шнурки на ботинках, сделал круг вокруг баков. Семьянин с развитым торсом выбросил в бак пиджак и уехал. Пиджак был серо-синим, имел жжёное папиросное пятно и слегка обвисал на плечах, но он всё равно мне понравился — чем-то неуловимым. Так бывает — некоторые

вещи вдруг притягивают, и это выше условностей. Настроение поднималось. Я дружески улыбнулся старушке, кормящей голубей булочкой, но она отвернулась и неумолимо ждала, пока голуби доедят всю булочку. Неужели она думает, что я настолько голоден?.. Девушка, упоённая своей красотой, принесла мусор в пёстром бумажном пакете из бутика и удалилась, цокая. Интересно, что там у неё? Ну просто из любопытства, не более. Там были какие-то цветные листочки, лоскутки, обрывки. Можно было бы пойти куда-нибудь, но я решил остаться. Хороший двор, хорошая погода, и между баков уютная щель — почти как маленькая комната.

29. Мрачные застенки. Это бритва

На следующий день после водворения в Училище нас стали по очереди уводить на освидетельствование. Полный тревожных предчувствий, я нервничал и для успокоения сосал прощальный подарок Хулио — большой зелёный леденец в форме звезды. Бесшумно появились старички, кивнули мне и молча повели по коридорам и лестницам. У белых дверей они остановились, а меня подтолкнули внутрь. Я вошёл, и они тихо затворили за мной. Посреди большой комнаты стоял стол, за ним сидел крупный человек с волосами, собранными в хвост. Слева вся стена от пола до потолка была занята компьютерами, а справа на диванах развалились разномастные программисты в белых футболках, человек пять. Они ели пиццу с грибами, макая её в кетчуп, пили фанту и разглядывали меня.

— Как тебя зовут? — спросил тёплым голосом человек с волосами.

— Роланд, — сказал я и добавил почтительно: — сэр.

Тут один из программистов хрюкнул, потом хрюкнул другой и закашлялся, а потом они все вместе расхохотались. Роланд! — гоготали они, — Роланд! Вот умора! Они тряслись от смеха, взвизгивали, хлопали руками по коленкам и утирали глаза. Роланд! Вот потеха! На футболки падали крошки и грибы, на джинсы летели капельки кетчупа. Один только

человек с волосами не смеялся и смотрел приветливо.

— У вас есть телефон, сэр? — осмелился я. — Мне нужно позвонить домой, маме и папе. Меня привезли сюда по ошибке.

Он понимающе покивал и обратился к программистам. Видите, его сюда по ошибке привезли. Но программисты от этого только пуще развеселились — они уже стонали, выли и, корчась от смеха, сползали на пол.

— Так что же, сэр?

— Что?

— Извольте дать мне телефон.

И тут он с грохотом встал — наверное, ему надоело играть добрячка — сдвинул брови и громыхнул страшным голосом: будет тебе телефон! Несите шапку! Программисты мигом стихли, ссутулились и засуетились по комнате, как муравьи. Двое усадили меня за его стул, двое поднесли и нахлобучили на меня белую меховую шапку. Пахнуло псиной. Из наших белых собачек! — мелькнуло у меня. Пятый стал передо мной и велел закрыть глаза. Закрой глаза! Не закрою! — отчаянно выкрикнул я. А это ты видел? Он выхватил из кармана бритву. Это бритва! Сейчас как полосну! Я в ужасе зажмурился, и они стали что-то делать, чем-то шуршать, щёлкать клавишами, пикать курсорами. Потом всё медленнее, всё тише. Тишина. Я ждал, дышал, сердце стучало. Ничего не происходило. Наконец я собрался с духом и открыл глаза. Темнота.

2А. Истории безоблачного детства. О телах

Нам с братиками с раннего детства хотелось собаку. Хоть какую, хоть самую маленькую болонку, хоть самую беспородную дворняжку, хоть котика. И вот однажды мы не сдержались и открыли своё желание папе, который, как обычно, сидел на балконе и ел черешню.

— А зачем вам собака?

— Ну... Мы будем с ней играть, будем с ней дружить, будем за ней ухаживать. Мы научим её приносить тебе тапки!

Папа засмеялся и переспросил, действительно ли мы хотим собаку. Действительно? Да, да, папочка!

— О, сколь смешон человек в своих желаниях... Вы, детки, похожи на мифического Тантала, но Тантала обезумевшего, который стоит в воде, но не видит её и мучается от жажды.

— Ты хочешь сказать, что у нас есть собака, но мы не видим её?

— Да, дети мои! И эта собака — ваше собственное тело.

— Тело?..

— Тело. Животная оболочка, дарованная вам Господом. Было бы грубой ошибкой, детки, отождествлять себя с телом. Вы это понимаете?

— Понимаем...

— А раз понимаете, отчего бы вам не воспринимать своё тело как обособленное существо? Вот смотрите: я угощаю своё тело черешней. Ам. Ам. За это я прошу тело поднять руку. Смотрите! Видите, как слушается? Тело такое может, что собаке и не снилось! Смотрите: моё тело разговаривает с вами. Оно и читать умеет, и писать, и считать. Разве собака на это способна? То-то же. Подумайте над этим как следует. А я пока выведу своё тело погулять.

Мы подумали, и папина теория сильно впечатлила нас. Утром, поднявшись пораньше, мы начали разучивать со своими телами несложные команды, и, несомненно, добились бы значительных успехов, если бы не мама. Мама выяснила у нас, что происходит, и на следующий же день принесла откуда-то двух белых собачек неизвестной породы, необыкновенно добрых и ласковых. Собачки стали жить у нас. Они лаяли, гонялись друг за другом по палисаднику, и больше всех любили маму, потому что она их кормила.

2В. Истории безоблачного детства. О цирке

Каждое лето к нам приезжал цирк — городок ярких шатров на пустыре. Папа высоко ставил цирковое искусство и непременно водил нас на представления, по несколько раз в сезон. Нам было интересно и весело: клоуны, фокусники, акробаты, дрессированные звери, мороженое, и мы радовались вместе с папой. А зимой мы читали книжки. И вот однажды мы прочли повесть то ли Джека Лондона, то ли Сетон-Томпсона, уже не помню, в которой описывались мучительства цирковых зверей. Оказывается, они делали трюки вовсе не по доброй воле! Оказывается, никакого воспитания знанием и лаской не было и в помине! Методичное истязание плюс жестокие уловки — вот что было. В слезах мы пришли к папе и спросили: как же так? Папа, обнимая нас, отвечал, что всякие кошмары и вивисекции происходили только в прошлом веке, а теперь всё уже давно стало хорошо и честно.

И, когда наступило лето, он снова собрался идти с нами в цирк — в первый же день выступлений. И тут выяснилось, что Колик не поверил папе ни на грош. Ночью он встал на кровати и произнёс перед нами речь, в которой живописал чёрного дрессировщика в кожаном фартуке, с окровавленной плетью. А фартук — как вы думаете, из кого он сделан? Но мои братья только посмеялись. Все они доверяли папе.

Кроме того, Валику нравились клоуны, Толик обожал эски-мо, а Хулио был тайно влюблён в девочку на шаре. Только я пошёл за Коликом.

На следующий день мы с Коликом спрятались в овраге и договорились, что должны сразиться со злом. Мы решили сжечь цирк. А папе мы сказали, что не хотим пропускать любимый мультфильм по ТВ и сегодня с ними не пойдём. Когда они ушли, мы выждали полчаса и побежали в гараж, где стояла канистра с бензином. Мы привязали её к железной тележке и со скрипом повезли обходной дорогой, поближе к заборам. Это было очень тяжело, но мы справились. Потом я катил тележку вдоль цирковой ограды, а Колик наклонял канистру, и бензин выливался ровно, не прерываясь. Мы хотели, чтобы огонь пошёл со всех сторон сразу, и не оставил цирку ни шанса.

— Колик! А что, если сгорят звери?..

— Нет. Звери убегут. Но даже если сгорят — это лучше, чем страдать всю жизнь в рабстве.

— Колик! А что, если сгорят папа и братья?..

— Нет. Мы, когда подожжём, побежим и предупредим их, чтобы спасались.

Сделав полный круг, мы бросили тележку, присели на корточки и чиркнули спичкой. Спички горели и жгли пальцы, но бензин не вспыхивал. Что такое! Колик сунул мизинец в бензин, понюхал, лизнул. Вода! Чёрт, как такое может быть! Мы смотрели друг на друга, на канистру, на спички.

Вдруг Колик указал мне за спину: смотри! В красных цирковых воротах стоял фокусник, опершись плечом на столб. В чёрном фраке и чёрном цилиндре, скрестив на груди руки. Высокий и мрачный, он недобро наблюдал за нами.

— Уходим, Ролли! Бежим!

Мы вскочили и побежали, и фокусник дал нам уйти.

2С. Истории безоблачного детства. О зимних размышлениях

Однажды весной, когда мы сидели на террасе и пили какао, пришёл папа и привёл с собой маленького белого человечка в жилетке.

— Представляете, — сказал папа, — этот мсье целую зиму не видел людей!

При звуках папиного голоса человечек заулыбался и зашевелился, как будто стараясь заглянуть папе в рот. Мама пригласила его за стол, и он, благодарно извиваясь, подбежал к ней, сел рядом. Она дала ему большой кусок булки с маслом, и человечек торжественно принял его двумя руками, как хрупкую драгоценность. Я предложил ему сахар, и он восторженно вытаращился на меня, высоко подняв брови. У него были большие зелёные глаза с густыми ресницами.

— Представляете, — сказал папа, — он всю зиму размышлял в одиночестве!

Человечек закивал и счастливо засмеялся. Казалось, любое наше слово доставляет ему наслаждение. Мы попытались расспросить его об итогах зимних раздумий, или хотя бы об их предмете, но он не мог сказать ничего связного, только улыбался и поддакивал. Колик пихнул меня и шепнул: никакую не зиму, а лет двадцать! Постепенно мы перестали обращать на него внимание и заговорили о своём, а он

молчал, радостно переводя глаза с лица на лицо и откусывая от булки по крошечке.

— Смотрите, — сказал папа вдруг, — он заснул. Утомился с непривычки!

Белый человечек спал, уронив булку на животик. Папа с мамой отнесли его на диван и укрыли шалью. Весь день и весь вечер он проспал. Мы подходили и смотрели, как он спит: рот был плотно сжат, брови нахмурены, а маленькие ручки подрагивали. А наутро мы с сожалением обнаружили, что человечек исчез. Мы его разочаровали? — огорчились мы. Нет, сказал папа, скорее всего, он пресытился впечатлениями и вернулся к себе, отдохнуть. Потому что сразу много нельзя.

2D. Истории безоблачного детства. Об одном иноке

В нашем дворе у самых ворот росла огромная берёза, и мы любили соревноваться, кто выше залезет. Однажды мы разгорячились и забрались так высоко, что не смогли слезть. Берёза качалась, ветер шумел, мы пищали от страха. Папа! Папа! Папа полез за нами и застрял в развилке. Тогда мы стали звать маму: мама! мама! Мама выглянула в окошко и позвонила пожарным. Пожарные приехали, живо всех достали и расселись пить чай, сдержанно гордые, усатые, с блестящими касками на коленях. И пока мама накрывала на стол, папа посетовал на порванный пиджак, пожурил нас и рассказал легенду о чрезмерном усердии.

— Давным-давно спасался в одном монастыре инок. Был он так слаб духом, что однажды решил — не уйти мне от козней дьявола, всё равно соблазнит, как ни тщишься. Но уж если продавать душу, то задорого! И поклялся он себе держаться изо всех сил, дотерпеть до самого последнего, самого роскошного соблазна, и только тогда низвергнуться. Ждёт-пождёт, ходит вокруг монастыря, на солнце жарится. И видит — идёт по дороге крестьянский парень, с двумя бутылками пива, ледяного, запотевшего. Остановился, улыбается ласково. Выпей бутылочку, брат монах! И сам открывает, и пьёт, и жмурится. Выпей! Тёмное, как ты любишь! Сглотнул инок.

Аж в глазах у него помутилось — так возжаждал он пива холодненького. Но нет, устою! Нахмурил он брови, отрёкся от соблазна и осенил парня крестным знамением. Пшикнуло, и пропал парень. Вздыхнул инок облегчённо и стал дальше ждать. Неделю, прождал, месяц. И вот на исходе лета, блуждая в окрестном лесу, услышал он нежный голос. Пошёл на голос и увидел девушку, лежащую на мягких мхах — такой удивительной красоты, что подогнулись у инока ноги. Такого чистого лица, такой дивной улыбки, таких лучистых глаз он никогда в жизни не видывал. Она откинулась на спину, идеальная форма, и манила его, и звала, и лежала в той самой позе — как натурщица Гюстава Курбе.

— Что за поза такая? — заинтересовался тут один из пожарных.

— Да как же? Неужто не видели? Сходите в наш музей, там эта картина тоже должна быть. Ну так вот, лежала она, значит, и всё было видно, и так воспламенился инок, что задрожал и пропотел весь насквозь. Сделал один шаг, сделал другой, сделал третий и почти уже нагнулся, но тут опомнился, зажмурился и отрёкся! И перекрестил. Пшикнуло, и пропала дева. Перевёл дух инок, покачал головой и стал дальше ждать. Месяц прождал, год. И вот следующей осенью, когда он укладывался спать после молитвы, явился ему сам диавол, с рогами и копытами. Испугался инок. А диавол перешёл сразу к делу: хочешь править всем миром? Нет! Все земли, все горы, все океаны будут твоими. Нет! Все сокровища.

Нет! Все женщины и мужчины. Нет! Вся власть будет в твоих руках. Нет! Каждая тварь будет повиноваться тебе беспрекословно и восхвалять тебя неустанно. Нет! И встал инок, и стиснул зубы, и перекрестил дьявола истово. Пшикнуло, и пропал дьявол. А потом на минутку вернулся и сказал: ну, тогда мне больше нечего тебе предложить. Бывай здоров. И пропал уже насовсем. Вот так и стал тот инок праведником.

2Е. Истории безоблачного детства. Первая пожарная сказка

Выслушав папу, пожарники вежливо похвалили его историю и сказали, что им на службе тоже много чего пришлось повидать. Вот например, видали, как жил-был один скучный человек. Не только для других скучный, это само собой разумеется, но и сам для себя. Среднего роста, прилично одетый, воспитанный и положительный. Всё у него было хорошо, комфортабельно и благополучно — до зевоты. Сильно мучила того человека собственная скукота. Бывало, выйдет на кухню в носках, да и плюнет от отвращения — до того всё серо и обыденно. Ему говорят: заведи себе жену с детьми или хотя бы собаку, а он себе думает — ага, женишься, а она потом полквартиры оттяпает и алименты, нет уж; и собака не годится — выгуливай два раза в день в мороз, а потом ещё и помрёт, хорони её. Ему говорят: ну так съезди что ли в Неаполь или в Барселону, фотиком пощёлкай, а он себе думает — а если багаж украдут? Или съешь какую-нибудь дрянь, диарея начнётся, так и просидишь в туалете всю поездку. И против любых увеселений находилось у него возражение, а то и два. Поэтому он целыми днями сидел дома, смотрел ТВ или читал книжки.

И вот как-то раз читал он Толстого, позёвывал, и прочёл про монаха, который себе палец отрубил. А что, идея!

Недолго думая, пошёл он в кладовку, взял топорик, да и рубанул. Кровь, боль, белая косточка! Побежал он звонить в скорую помощь, приехали, повезли с мигалкой в больницу. Там мазали мазями, прижигали, зашивали, а потом ещё две недели на перевязку ходил. А потом ещё два месяца болело, и целый год можно было вспоминать. С тех пор тот человек больше не скучал! Ходил весёлый, радостный, для любого у него ласковое слово находилось — и люди от него заряжались добром и счастьем. Раз в год он себе по пальцу отрубал, на ногах и на руках по очереди, но оно того стоило. На двадцать пять лет хватило, до самой пенсии, пока не сгорел. Сигарету не удержал культиками, выпала и дом зажгла. Вот так-то, детки, поняли соль? Главное — найти свой путь в жизни.

— Но почему на двадцать пять лет хватило? — спросил Колик. — Он что, мутант был?

— Нет, просто пять пальцев врачам назад пришить удалось, и он их потом по второму разу рубил.

2F. Истории безоблачного детства. Вторая пожарная сказка

После первого пожарника взял слово второй, он рассказал довольно мрачную сказку. Будто бы служил у них в соседнем полку один лейтенантик, лет двадцати пяти или тридцати, с голубыми глазами и пшеничными усами, чистый ангел. И будто бы был тот лейтенант совершенно счастлив в жизни, и абсолютно всем доволен. И будто бы даже обратился он однажды мысленно к Главному Пожарнику: ах, ваше превосходительство! Как счастлив я! Всё у меня есть, что желанно мне — и ум, и краса, и сила в руках, и жена, и детушки, и добрые друзья, и любимая работа, и белоснежная яхта. Так счастлив я, что теперь и помереть не жалко! Но Главный Пожарник ничего ему не ответил, только подвигал усами — сам мол думай, помирать тебе или нет. Лейтенант конечно не помер, и даже некоторое время становился ещё счастливее: получал медали, писал стихи и делал деток. Но потом постепенно, медленно, всё пошло на спад — ум стал черстветь, краса увядала, стихи не писались, руки слабели и не могли удержать брандспойт. Дальше — больше, быстрее: друзья заняли денег и пропали, жена ушла в секту, дети стали алкоголиками и пропили сначала яхту, а потом и квартиру. А сам он заболел разными неизлечимыми болезнями, и пенсии не хватало даже на таблетки. Приходилось собирать

жестяные банки и битое стекло, драться с бомжами и ночевать в коробке из-под телевизора. И будто бы обратился он однажды мысленно к Главному Пожарнику: ты это что, специально что ли, да? Но Главный Пожарник ничего ему не ответил, только подвигал усами — сам мол думай, я тебе ничего не обещал. И ещё несколько лет мучился тот лейтенантик, а потом наконец помер, но помер совсем нехорошо: забили его подростки арматурой до полусмерти, и лежал он на снегу возле мусорных баков, пока не замёрз совсем.

Ну и сказка, подумали мы, не сказка, а дрянь. Все осуждающе нахмурились и уставились на пожарника-рассказчика. Тот, совсем молоденький, ужасно покраснел, ссутулился, напрягся и нервно подёргивал усы. Но папа спас ситуацию — громко двинув стулом, он встал и предложил всем ещё борща.

30. Истории безоблачного детства. Третья пожарная сказка

После борща взял слово третий пожарник. Он рассказал, что давным-давно, когда ещё его дед был курсантом, у них в бригаде служил пожарник средних лет, в чине мичмана, спокойный и рассудительный, аккуратно причёсанный. Он имел крепкие зубы, умел быстрее всех разматывать пожарный рукав, а запах дыма чуял за целых пять миль. И вот однажды шёл он с красавицей женой то ли в кино, то ли в театр, и вдруг говорит ей: перейдём на другую сторону, у меня нехорошее предчувствие. И правда, только они перешли, как сверху хрустнуло, и на тротуар упал здоровенный кирпич, в то самое место, где они бы сейчас оказались. Порадовался мичман своей интуиции, угостил жену лимонадом. А через неделю ещё один случай. Выходил он утром вместе с соседом из подъезда, и вдруг потянул его за руку: стой! Нехорошее предчувствие. Остановились они, а через секунду молния ударила прямо в крыльцо. Дальше — больше. На следующее утро вышел мичман из квартиры, дождался лифта, а в лифте другой человек сверху спускается. Едете? Нет, не еду, и вы выходите скорей, у меня нехорошее предчувствие! И вытащил человека из лифта без лишних объяснений, и только дверки закрылись, раздался страшный треск, скрежет, а потом, далеко внизу, удар — это лифт оборвался и упал. С

того дня мичман вообще перестал выходить из квартиры — предчувствие не позволяло. С работы он уволился, предупредив всех коллег о нехорошем предчувствии. Никто его не послушал, а зря: на следующий день загорелась пожарная часть и сгорела дотла, а половину пожарников под суд отдали за вопиющее несоблюдение. Мичмана тем временем нехорошее предчувствие начало оттеснять в спальню: то тостер выстрелит хлебом, целя в глаз, то холодильник затрясётся и ударит током, то из водопроводного крана вдруг польётся зелёная кислота. Он отослал жену с детьми к родителям и забился под диван, обложившись подушками. А нехорошее надвигалось всё ближе и ближе: с грохотом рухнул шкаф, у соседей сверху прорвало канализацию, с потолка сорвалась люстра и разлетелась, стреляя осколками. Когда задымилась обои, мичман не выдержал — выскочил на балкон, с балкона на дерево, с дерева на землю — и побежал! А мы его уже караулили за углом с монтировками — Главный Пожарник позвонил нам и отдал приказ прикончить этого придурка, из-за которого все беды. Мы погнались за ним, но приближаться не решались — мир вокруг разбушевался не на шутку! Падали огромные дубы, налетали воюющие смерчи, оседали фундаменты, сыпались метеориты, вспыхивали бензоколонки, а в асфальте разверзались пропасти с грозно бурлящей лавой. Мичман огромными прыжками нёсся к речке, надеясь на спасение в прохладе волн, но предчувствие в последний момент подвело его: из воды вспучилось неслыханной

высоты цунами, помедлило миг и обрушилось на мичмана всей мощью.

И мир сразу замер, затих.

Вот с тех пор у нас в городе и стало спокойно, детушки.

— А почему мичман? — спросил Колик, но пожарники уже поднялись и прощались: жали руки папе, делали комплименты маме, а нам подарили по красному петушку на палочке.

31. Истории безоблачного детства. О другом иноке

Когда мы были маленькими, у нас была одна ужасная привычка: ковыряться в носу. Перед сном, в таинственной темноте, полной шорохов и дуновений, по пробуждении, в сонной неге, под тяжёлым тёплым одеялом — мы лежали в кроватках и предавались нежному пороку. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь! Однажды ранним воскресеньем к нам вошёл папа, прямо с мороза, с румяной улыбкой, с кудрявой бородкой. Наверное, он принёс нам орешки или пряники, или хотел позвать всех на каток — но чудовищное зрелище повергло его в шок. Грохоча сапогами, сшибая букеты и бессвязно восклицая, он выбежал из горницы. Горе мне! О горе мне! Дети мои! Исчадия! Слышно было, как он рыдал и сокрушался о нашей низости, а мама утешала его. А потом мама вошла к нам, села в ногах и рассказала сказку об иноке.

Давным-давно спасался в одном монастыре инок. Был он так слаб духом, что однажды рассудил — не уйти мне от козней дьявола, всё равно соблазнит, как ни тщись. Но лучше грешить по-мелкому, чем по-крупному! Всё ж к Богу ближе, и наказание меньше. И чтоб от смертных грехов уберечься, решил он день-деньской в носу ковыряться. Сказано — сделано. Как только служба с работой кончались, шёл инок в свою келью, ложился на солому и палец в нос поглубже за-

пускал. Заглянет иногда к нему диавол, и доволен: в непрерывном грехе инок. Наш человек. И дальше спешит, с добродетелью бороться. Так год пролетел, десять, тридцать, и пришло время иноку помирать. А испуская дух, сказал он: прости меня, Господи! И помер. Посмотрел на его душу Господь — и простил. А кто бы не простил? Подумаешь, в носу человек ковырялся. Зато зла никому не причинил ни малейшего. И забрал того инока к себе на небо. Как узнал об этом диавол — в бешенство пришёл! Затопал ногами, замахал кулаками — и волны пламени по аду пошли, закорчились грешники. Обманул меня хитрый инок! Затряс головой, защёлкал зубами — такой огненный ураган поднялся, что даже чертям жарко стало. А инок сидит на облачке и посмеивается. Уже не достанешь его! И с тех пор диавол умнее стал: как увидит, что кто-то в носу колукает, сразу всех чертей зовёт, чтобы вплотную хитрецом занялись.

Ну? Хотите, детки, чтобы вами черти вплотную занялись? И с тех пор мы никогда больше не ковырялись в носу.

32. Побег и скитания. В тепле

Вечером, выбравшись из стылой щели, я привалился спиной к баку, задрал голову и смотрел на звёзды. Под звёздами летели длинные белёсые космы — то ли низкие облака, то ли дым. Красиво. И обрамление — кирпичные стены, тёмные ветви, фонари. И та красивая девушка как раз возвращалась домой. Хотя может это была и не она, вместо каблуков — кеды. Она или не она улыбнулась мне, губы блеснули в свете фонаря. Мне повезло, что она была в подпитии: я показался ей романтичным, французским, вроде Артюра Рембо, и она повела меня к себе. Она сказала, как её зовут, но я сразу забыл. На ней были толстовка, шарф, шапка и болтающиеся шаровары. Мы поднимались по лестнице, я рассматривал шаровары, а курящий сосед делал безразличный вид. Дома она дала мне открыть шампанское и стала рассказывать, как поссорилась с бойфрендом: он такой мерзавец! Еды у неё почти не было, и я намазывал на хлеб кетчуп и ел. Хлеб и кетчуп пахли одинаково — холодильником. «Мне нравится, что ты такой олдскульный». «Что значит олдскульный?» «Ну... старомодный. Этот твой синий пиджак. Ты слушаешь метал-рок?» «Да, я слушаю метал-рок дни напролёт, но как ты узнала?» Довольная, она пошла в ванную, её шатало. Я осматривался: пыльно, все чашки или сколоты, или треснуты, чёрный чайник. Скоро она вышла. «Ты спи на диване,

а я лягу на кровать». Пока она не передумала, я вдавился в диван, поскорее зажмурился и накрылся чем-то наощупь. Она ходила, шуршала пакетами, потом наконец выключила свет и скрипнула. «Ох, как мне холодно». Я старательно задышал, притворно ровно. Было немного страшно, но она заснула мгновенно. Кутаясь в плед — это оказался клетчатый плед — я прокрался на кухню и сел на корточки, уперев колени и ладони в горячую батарею, а голову положил на подоконник. Пахло тёплой пылью. Всё те же звёзды, космы, ветви, но теперь в двойной оконной раме, в тепле.

33. Истории безоблачного детства. О падениях и взлётах

Ещё один наш сосед, юго-западный, был на редкость приятным и приветливым человеком. Он всегда первым здоровался из-за забора, неизменно мило улыбался и любил напевать что-нибудь итальянское. Частенько он заходил к нам поболтать, приносил домашнее вино для папы и пионы для мамы, а нас угощал шоколадными конфетами. Утончённый и впечатлительный, он охотнее всего говорил о поэзии или о музыке, взволновавшей его. А однажды завёл такой разговор:

— Не замечали ли вы, друзья мои, что состояние нашей души непрерывно колеблется, но при этом статистически равномерно? Если сегодня у нас приподнятое настроение, то завтра нужно с большой вероятностью готовиться к хандре? И наоборот, если вечером мы грустим, то утром наверняка будем веселы? И что чем сильнее взлёт, тем ниже грядущее падение?

Папа с мамой подтвердили, что да, действительно, и они такое порой замечают. Потом заговорили о другом. Кто бы мог подумать, чем всё обернётся?

Через несколько дней, когда сосед снова зашёл к нам, он выглядел взбудораженным, взвинченным, как будто его слегка лихорадило. Мама налила ему борща, и мы слышали, как

ложка в его руке подрагивает и позвякивает о тарелку. Он напомнил папе с мамой о прошлом разговоре и сказал, что развил из своих наблюдений целую теорию:

— Мне пришла в голову мысль, что настроения можно взять под контроль и с успехом управлять ими. Точнее, сознательно погружаться в печаль с целью последующего небывалого взлёта. Представьте батут: чем с большей силой прыгнешь вниз, тем мощнее тебя подбросит. Не так ли? А в воздухе ты подгибаешь ноги, и снова падаешь на упругую ткань, ещё глубже, и снова взмываешь, ещё выше, изо всей пружинной силы.

И вот что я подумал, друзья мои: если словить ритм и не побояться с каждым прыжком всё глубже погружаться в пучину тоски и отчаяния, то амплитуда твоих колебаний скоро возрастет настолько, что ты оторвёшься и устремишься вверх, как ракета! Как ракета, которая достигла космической скорости и преодолела земное притяжение! Ввысь, ввысь, к сверкающим звёздам!

Он воодушевлённо взмахнул рукой, задел тарелку, и горячий густой борщ вылился на его белоснежную рубашку. Папа охнул, Хулио подавился конфетой, а мама бросилась за полотенцем. Сосед же, сверкнув глазами, вскочил и с размаху ударил кулаком в молочник со сметаной. Брызнули фарфоровые осколки, сметана на скатерти смешалась с кровью. А он, бледный и стремительный, выбежал вон, не слушая наших тревожных криков и увещаний.

Больше он не показывался. Двери не открывал, на звонки не отвечал. Из его дома время от времени доносились то безысходные стенания и демонический рык, то стоны наслаждения и ангельское пение. А в одну из последующих ночей мы проснулись от треска и яркого света, озарившего комнату. Мы столпились у окна и с минуту наблюдали солнечной силы сияние, исходившее из соседнего двора; а потом вдруг возник мелодичный звук, как будто от огромной струны, и вспыхнуло — ослепительно лазурно.

34. Истории безоблачного детства. О самом глупом человеке

Как-то раз в начале июля к нам в город приехал аттракцион «Впервые: Самый Глупый Человек На Свете». Пропустив несколько дней, чтобы стало меньше народу, мы с братиками отправились смотреть. Невысокий зелёный шатёр, немолодая билетёрша в джинсах, с маленьким кассовым аппаратом на шее. Она приподняла полог, и мы, пригнувшись, вошли. Сверху горела слабая лампочка, стоял стол, стоял стул. Он полулежал на кровати, весь в подушках, русоволосый, с бородкой, с печальными глазами. А говорить с ним можно? Говорите, но не долго.

— Привет! — сказали мы.

— Привет, — ответил он просто.

— Как тебя зовут?

— Саша.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— Ты знаешь, сколько будет два плюс два?

Он взглянул на нас с укоризной, коротко вздохнул и отвернулся. Хватит, шепнула билетёрша, он устал. Мы тихонько вышли. А что он любит? Можно ему что-нибудь вкусненькое купить? Билетёрша отвечала, что можно принести мармелад. Мы сбегали за мармеладом, и, приникнув ушами к

брезентовым стенкам, слушали, как она бренчит мисками, невнятно уговаривает его и утешает. Потом появились ещё зрители, и мы, попрощавшись с билетёршей, побрели домой. Нам было грустно, неловко и стыдно, как будто мы были в чём-то виноваты.

35. Истории безоблачного детства. О бесценном даре

Когда мы с братиками перешли в очередной класс, уж не помню в какой, наверное, в пятый, у нас появились два новых предмета — геология и биография. Учителя нам выделили необычайно кроткого и умильного, бывшего аббата, урождённого пуэрториканца, обладателя удивительно синих глаз, сразу располагающих к себе. Сеньор Рунас одевался скромно и строго, в чёрный чесучовый костюм, и лишь по пятницам позволял себе освежить его дикой гвоздикой в петлице. Кроткий, но вспыльчивый! И мы обожали его дразнить при каждом удобном случае.

— Дети! Дети мои! — например восклицал он, вдруг со слезами восторга прерывая чтение Иоанна Златоуста. — Жизнь — это бесценный дар! Понимаете ли вы?..

— Нет! — отвечали мы, тут же напуская на себя мрачный вид. — Жизнь — дерьмо. Потому что она рано или поздно кончается.

— Ну так что же, что кончается? — отвечал он терпеливо. — Представьте, что некто дал вам покататься на невероятно спортивном велосипеде? Разве вы не прокатились бы с благодарностью?

— Нет! — отвечали мы упрямо. — Если не можешь подарить насовсем, то нечего и давать!

— Но зачем вам велосипед насовсем? — отвечал он нетерпеливо. — Ведь вам рано или поздно надоест на нём кататься!

— Неважно! — отвечали мы с вызовом. — Если мы будем знать, что велосипед рано или поздно отберут, это отравит нам всё удовольствие!

И тогда он вспыхивал, взрывался, швырял книжку на стол и со свирепым рыком мчался к нам, с намерением таскать за вихры и обрывать уши. А мы, визжа, хохоча и опрокидывая парты, уворачивались от него, выбегали из классов и прятались в женском туалете, туда он войти не смел.

36. Истории безоблачного детства. Об упреждающей археологии

Однажды в августе, гуляя по улицам, мы увидели человека, рывшегося в синем мусорном баке. Он перегнулся через край бака и, стоя на цыпочках, нащупывал что-то в глубине. Мы сразу подумали, что это нищий бродяга — мы знали о нищих и бродягах по книгам и папиным сказкам. Мы собрали по карманам, у кого что было — леденцы, орешки, жвачки — приблизились к нему и протянули дары. Он не замечал нас, и Колик дёрнул его за фалду. Человек с кряхтением распрямился и повернулся к нам — круглолицый, остроносый, в маленьких очках.

— Вы что? — сдержанно возмутился он при виде милостыни. — Я не бомж! Я археолог!

Но леденцы, орешки и жвачки тем не менее взял и спрятал в мешок.

— Настоящие археологи не роются в мусорках! — сказали мы.

— Да, обычно я роюсь на свалке. Сейчас просто мимо шёл и решил заглянуть.

— Настоящие археологи ведут раскопки в пустыне!

— Ха-ха, — засмеялся человек. — Ваши настоящие археологи — глупцы! Копают, разгадывают иероглифы, строят теории, пыжатыся — а ведь всё так просто! Не надо ни рыскать

по пустыням, ни рыть — все ответы у нас перед носом. Смотрите, вот ночной горшок, вот сношенные кеды, вот банка от кильки — они превосходно сохранились и говорят о цивилизации намного больше, чем какие-то тысячелетние черепки! Я рассматриваю, фотографирую, интерпретирую и заново все находки в каталог. Поверьте, мой каталог несравненно богаче и обширнее любых музеев! Я — упреждающий археолог. Моя работа, пусть и простая, несоизмеримо значительнее потуг этих «настоящих археологов». Подумайте: через тысячу лет, когда горшки, кеды и банки истлеют, мои труды будут иметь величайшее значение для науки!

Мы с братиками так прониклись идеей упреждающей археологии, что тут же пригласили учёного к нам домой и проводили его в сарай, где хранился семейный хлам. Под его неутихающие восторги мы наполняли огромный старый чемодан остановившимися будильниками, дырявыми тапками, чайниками без носиков, пробитыми велосипедными камерами, сгоревшими утюгами, поцарапанными дисками и запыленными пластинками. Уходя, растроганный археолог пообещал упомянуть нас в примечаниях к своей будущей монографии — за неоценимый вклад в науку.

37. Истории безоблачного детства. О бескомплексной жизни

Среди наших соседей, кроме личностей странных, подозрительных и откровенно опасных, иногда попадались и образцы положительности. Таких мы с братиками не любили, считая их скрытыми мерзавцами, а очередного соседа в доме с круглыми трубами невзлюбили особенно — за правый пробор, за светло-серый костюм, за сына-студента с планшетником, за жену в жилетке, но сильнее всего за то, что он бежал по утрам. Сосед завёл несносный обычай обегать свой сад четыре раза, потом выбегать в город ровно на полчаса, а потом снова обегать сад четыре раза. Несколько дней мы терпели, наливаясь гневом, а в понедельник утром обстреляли его из-за забора морковными огрызками.

Он остановился и удивлённо вертел головой, а мы холодно рассматривали его упругие кроссовки, мускулистые голени и шорты с лампасами.

— Детки, — сказал он, заметив наконец нас, — вы не подумайте!

Мы тяжело молчали, давая ему понять, что уже подумали.
— Знаю, знаю. Но на самом деле в гробу я видал это всё! Просто у меня идея.

Идея нас заинтересовала, и мы позволили ему продолжать. Идея соседа основывалась на том, что человек подвер-

жен образованию негативных психических комплексов не только в детстве, но и во взрослой жизни.

— Принято считать, что у ребёнка ранимая психика, а у взрослого — твёрдая и грубая. Какое заблуждение! Вот посмотрите, какой я нежный — крикните мне в ухо что-нибудь.

Сосед наклонился к забору и прижал ухо к щели между досок. Мы бросились и наперебой завопили: «Упырь!! Упырь!!» Он вздрогнул, распрямился и показал на свой глаз, который начал неравномерно дёргаться.

— Видите? Вот и комплексы тоже, их заработать проще простого! Станешь шизиком или маньяком каким-нибудь — и попробуй потом вылечись. Я считаю, что до пятидесяти как минимум нужно беречься. А беречься — это значит жить без потрясений, средней жизнью, как принято. Семья, работа и всё такое, понимаете меня? А уж потом, после, когда психика устоится... Уж потом можно разгуляться!

Он помахал нам и продолжил забег, мелькая рифлёными подошвами. Объяснение звучало убедительно, и мы зауважали соседа — идейные нам нравились. А больше всех проникся Толик, именно тогда он и начал вынашивать планы по своей будущей бескомплексной жизни. И даже когда соседская семья в одну из ночей загадочно съехала, и поползли мрачные слухи, Толик не разочаровался.

38. Истории зрелости и угасания. О Толике

Толик вырос русым, приземистым мужчиной: жена, две дочери, три комнаты, ситроен, сенбернар, инженер, благополучный животик. Вроде всё достойно, но он внутри тосковал. Чуть выпив — начинал невнятно жаловаться. Что тебе не так, Толик? — спросишь. Да мне бы, говорит, в небо! И блестит пьяной слезой, крутит пуговицу жилетки. Он любил носить шерстяные жилетки и рубашки в мелкую клеточку. Мечтал летать — править огромным серебряным лайнером. Представлял свои большие надёжные руки на штурвале. Щёлкать ухоженным ногтем по манометру. Второму пилоту — советы бывалого. Не робей, юнга, это просто воздушные вихри. Я ему говорю: брось, Толик, на кой тебе это надо? Пилоты плохо кончают, Толик. А он не унимается: остро отточенный карандаш, карта, линия курса. Крепкий кофе, барометр красного дерева. Небрежный взгляд на хронометр. Рубка. Непринуждённо сбегать по винтовой лестнице. Выходить на палубу в белоснежной фуражке. Туууууу! Пар из труб. Толик, Толик, это уже не самолёт, а пароход! Эх, Ролли, до чего ж ты приземлённый человек... Приходила жена, две дочери и сенбернар, усаживали Толика в ситроен, увозили домой. А он, развалясь на заднем сиденье, мечтал плавать.

39. Мрачные застенки.

Это наш последний шанс

После освидетельствования я пришёл в себя позже всех. Остальные — их, кажется, было трое — уже разговаривали, светились далёкими цветными пятнышками в черноте. Темно, но не больно.

— Сказали, буду заниматься престижными автомобилями, — бойко вещало красное. — А я в них разбираюсь отлично, мне врачиха журналы из библиотеки приносила два года подряд. Всё знаю! Сказали, ты нам понравился, покажи себя, и мы тебя так продвинем, что любой позавидует. За год, сказали, можно топ-ботом стать. Потому что у меня все данные. Из всех меня одного выбрали! Сказали, у меня будут большие льготы, а если постараюсь, то в международное переведут. А я даже не готовился, так, рассказал о себе немного, и сразу зауважали. Потому что...

— Ай, машины — это скучно, — звонко сказал янтарный голосок, определённо девочка, возможно, та самая слепая, с которой я шёл в паре. — Мне тоже предлагали, но я выбрала музыку. Рекламирывать новые альбомы и концерты! А ты, Кутенька?

— Недви-ижимость, новостройки, — нараспев протянул сирота из соляных шахт, ясно синий, его нельзя было не узнать. — Там хорошо-о, вокруг леса и поля, и птицы в небе

поют, а воздух сладкий-сладкий. Смотри-ите, он проснулся.

— Привет! — они немного приблизились, плавно покачиваясь. — Как тебя зовут?

— Роланд, — ответил я и засветился пурпурным.

— О, красивенький! И что тебе сказали?

— Кто?

— Ну, на освидетельствовании? Куда тебя определили?

— Не знаю... я ничего не понял. Вроде упоминали что-то про лапшу... Роллтон, да, точно. Буду его рекламировать.

Они захихикали, мелко подрагивая: какой отстой!

— Зачем же ты согласился? — спросила девочка.

— Ты что, из недоразвитых? — спросил автомобилист.

— Я нормальный.

— А как сюда попал вообще?

— Меня мама с папой отправили, чтобы профессию получил.

Они захихикали: мама с папой! профессию!

— Стра-анно, — пропел сирота, — мы-то все из приютов да из больниц, в тяжёлых формах, не жилыцы-ы. Это наш последний шанс был. А ты чем-нибудь боле-ел?

Я судорожно придумывал, чем же ужасно-смертельным я болел, но в голову ничего не шло, кроме насморка, и было так стыдно, так стыдно, что хотелось погаснуть.

3А. Истории безоблачного детства. Об одном диспетчере

Весной, когда темнело уже поздно и укладываться в постель приходилось засветло, страшные сказки перед сном теряли свою привлекательность, и мы с братиками предпочитали ужасы нравоучительностям. Мы уже не требовали, чтобы сказки рассказывал именно папа, и охотнее слушали маму.

— Жил-был на свете один человек, — нараспев начинала мама, и на мгновение замедлялась, как бы раздумывая, о каком именно человеке рассказать на сей раз. — Жил-был на свете очень хороший человек, по профессии диспетчер. Всю жизнь он прожил честно и правильно, и много добра сделал людям. Одному с переездом поможет, за другого в банке поручится, третьего с нужным знакомым сведёт. Отвечали ему люди любовью и уважением, и нравилось это диспетчеру. И чем старше становился, тем больше нравилось. И в конце концов до такой степени понравилось, что он уже и думать ни о чём другом не мог — только как бы сделать добро всем и каждому без исключения, чтобы каждый к нему благодарность испытывал. Но познакомиться со всеми людьми в городе, разузнать их нужды и принять участие было бы слишком долго, жизни бы не хватило, а потому стал диспетчер придумывать различные ухищрения. Например, бросал на

тротуар сторублёвку, или вешал на лавочку пакет с яблоками, или оставлял на парапете букетик свежих ландышей — и смотрел, кто подберёт, и запоминал лицо. И нравилось диспетчеру, что потом однажды может он подойти к тому человеку и сказать: а помнишь, ты сто рублей нашёл? Так знай, это я положил, специально для тебя. И человек к нему тут же благодарность испытает. Очень, очень многих благодетельствовал диспетчер, но потом и этого ему мало показалось. Стал он доброту свою распространять на людей значительных, вроде эстрадных певцов, киноактёров или политиков: то расхвалит знакомым новый диск, то уговорит всех пойти новое кино смотреть, то сагитирует проголосовать. Знаменитостям — услуга, а диспетчеру — радость и удовлетворение. Так и жил тот диспетчер: ни дня не проходило без доброго дела, как для простых людей, так и для великих. А однажды в честолюбивом порыве вознамерился он самому Господу Богу услугу оказать: выбрал из числа знакомых самых закоснелых атеистов и целый месяц читал им катехизис, да с таким жаром, что все они как один уверовали и на Пасху покрестились. Но на этот раз недолго радоваться суждено было диспетчеру: тем же вечером ударила в него молния, прямо на трамвайной остановке, и убила насмерть. А единственная свидетельница, старушка, которой он как раз в этот момент ландыши преподносил, утверждала, что вместо грома прозвучал с неба голос: «Ты кем себя возомнил?»

3В. Истории безоблачного детства. О дальних странах

Когда мы были маленькими, мы часто мечтали о дальних странах. Ни папа, ни мама никогда никуда не ездили и не могли нам ничего рассказать, а гугл-мапс ещё не придумали — и мы мечтали, полагаясь на романы Дюма, Диккенса и Достоевского. Мы ходили на вокзал и смотрели на поезда. Стояли на мостике над рельсами и спорили: меняют ли человека дальние страны? Колик говорил, что путешествия суть пёстрые картинки перед глазами, а картинки не могут значимо повлиять на зрелую личность. Валик возражал, что дело не только в картинках, а в атмосфере, пронизывающей и пропитывающей душу.

А однажды с поезда сошёл человек с большим чемоданом на колёсиках. Мы побежали следом. Колёсики скакали по камушкам асфальта, чемодан качался и подпрыгивал, но мы разглядели наклейки: Париж, Петербург, Портсмут. Настоящий путешественник! А в остальном человек был обычный — серая куртка, синие джинсы, ботинки, как у папы. Он посмотрел на часы, высморкался в платочек, дождался трамвая-тройки и уехал. Последнее, что мы видели — как он покупал билетик у кондуктора. Всё это ничего не доказывало и не опровергало.

Мы пошли вдоль третьей линии, а на обратном пути трам-

вая робко обратились к кондуктору: не говорил ли чего тот путешественник? «Ещё как говорил, — ответил кондуктор, — он ворчал и жаловался, и открыл секрет, что путешествия по нраву лишь недалёким и приземлённым людям, предпочитающим обыденность мечте. Воображаемая Флоренция значительно превосходит реальную, так он и заявил». И кондуктор торжественно позвонил в колокольчик.

С тех пор мы так нигде и не побывали, кроме Толика, да и тот по службе.

3С. Побег и скитания.

В девичьем доме

Утром, уходя на работу, девушка пыталась меня разбудить и тихонько говорила «ээй», но я прилежно храпел, причмокивая для правдоподобия. Когда она тронула меня за плечо, я замычал, прятнул, и она отскочила. Постояв полминуты и посомневавшись, она хмыкнула и пошла — решила меня оставить. Я слышал, как она льёт воду в ванной, чистит зубы, скрипит створкой шкафа и издаёт какие-то пластмассовые звуки у зеркала в прихожей. Наконец хлопнула дверь, повернулся ключ. Интересно, смогу ли я выйти?

Я сел. Ковёр на полу был бежевый, пушистый, приятный ногам, в углу стоял стол с ноутбуком, на стенах висели батники с хризантемами. В холодильнике отыскалась баночка обезжиренного йогурта, совсем одинокая среди наледи. Растягивая йогурт, я рассматривал полочку с дисками и книгами: было много Бетховена и Булгакова. Какая славная девушка! Я раскрыл шкаф. Она перестирала летнюю одежду и разложила её аккуратными стопочками, перемежая веточками лаванды и розмарина. Ей нравился салатový, нежно-лиловый и мальчишковые рубашки в клеточку. Бельё она любила белое, в мягкий рубчик и со складочками. Я вставил Бетховена в проигрыватель и лёг в её кровать, понежиться. На ночной тумбочке она расстелила кружевную салфетку и по-

садила зайчика. В нижнем ящике хранились цветные ленточки, лоскутки и пуговички. В среднем лежали несессер, лаки и пилочки. В верхнем, запертым на ключик — а ключик прятался под салфеткой — тайный девичий дневник. Я раскрыл наугад: «Любить... любить... любить без оглядки... знала бы Оленька... знал бы он, как любить без оглядки! О нет... моё предназначенье — любовь».

Понежившись под звуки струнных, я пошёл на кухню, посмотреть в окно. По дороге катили машины, по сырым газонам шли галки, два студента в шапках курили и смеялись. И тут я увидел его! Он, не торопясь, прохаживался по той стороне, и, кажется, был здесь уже долго. Белый Охотник! В белом костюме, таком нелепом в ветер и дождь! Он делал вид, что ждёт трамвая, и рассматривал газеты в киоске. В любую секунду он мог повернуть голову, поднять глаза и заметить в окне меня, но я словно оцепенел. «Прячься, прячься, беги!» — шептал я себе, но был не в силах пошелохнуться. Пришёл трамвай, но Охотник, конечно, не сел в него. Как он выследил меня? А я ещё не верил! Кто же выдал? Тот зелёный дантист? Трамвай тронулся, и Охотник стал медленно-медленно поворачивать голову, поднимать глаза. И я застонал, захрипел, метнулся — и упал в узкий промежуток между плитой и мойкой. Сжался и замер, дрожа. Успел? Или он заметил?

3D. Истории зрелости и угасания. О Колике

Мы с братиками все уродились не сахарными, ну а Колик — и вовсе без малейшей сладости, даже с изрядной горчинкой. С раннего детства его шалости отличались экспериментальностью и подчёркнутым неприличием: не шалости, а настоящие выходки. Например, забираясь вечером в постель, можно было обнаружить под одеялом литр варёных спагетти — холодных, скользких, мерзких — или липкую кучку гнилых яблок. И это только самое безобидное! За каждую подобную гнусность мы сообща колотили Колика, а папа педагогично заходил с другой стороны и воздействовал добром и уговором — и постепенно нам удалось вбить ему в голову семейные ценности.

Тогда Колик перенёс свою деструктивную активность на школу: гнул линейки, ломал угольники, царапал на партах, плескал гуашью на свежепобеленные потолки, похищал варенье из скромных вахтёрских тайников. С педагогами вёл себя угрюмо и дерзко. Учился отвратительно, но рано обнаружил неординарность мысли. Например, на замечание директора, что он не слушает урок, Колик заявил: «Да тут и слушать нечего! Вы нас обманываете, нету никакой Австралии и Океании». «Да как же нету, Коленька, миленький?» «А вот так! Вы там были что ли? Карта — это ложь! Подума-

ешь, карта». Короче говоря, рано стал задумываться о смыслах. Ну и, как водится, покатилося — сначала табачок, потом самогончик, потом воровство. Крал какие-то пустяки, из чистой юношеской доблести: банку сметаны в магазине, сохнувшие простыни у соседки, напильники из школьной мастерской. Когда ловили — дрался, ненавидел, кусался! Начались приводы в жандармерию, педсоветы, картонные папки со штампами «Социопат» и «Мизантроп». Пропадал, не появлялся дома неделями. Мама рыдала, папа расхаживал с мрачным лицом. Возвращался худой, злой, бесшумный. Рассуждения, что нужно учиться и хорошо себя вести — чтобы выбиться в люди — чтобы быть счастливым — не убеждали его. Он смотрел так, будто с ним говорили на другом языке, и думал своё. А на угрозы о наказании и тюрьме отвечал, что мы сами в тюрьме, только этого не видим.

А по весне действительно загремел в колонию — ограбление какого-то дурацкого обувного склада, неуважение к сторожу, пощёчина жандарму. Сторож, начальник склада и жандарм пытались простить его — просили только извиниться — но он отказался наотрез.

Через год вышел взрослым. Мама ахнула, когда он снял свитер — белокаменная церковь во всю спину, с папертью, голубями и византийским амвоном внутри. На робкий вопрос о работе промолчал с презрением. Вёл странную жизнь: днём спал или читал всё, что под руку попадалось, лёжа в саду на гамаке. Ночами исчезал. Подарил папе здоровен-

ную золотую цепь. Папа выпучил глаза: «Откуда? Зачем это мне?» «Семейные ценности!» Колика в колонии слегка пришибло, но мыслил он по-прежнему неординарно. Все разговоры переводил на вопросы относительности ориентиров и возможности постижения. Потом сел снова, надолго.

И вот однажды поутру, когда все ещё спали — брякнула щеколда, скрипнула калитка. Я выглянул в окно веранды: вернулся! Пока он умывался, чистил зубы и переодевался в домашнее, я накрыл на стол, наспех, что было: початая бутылка, банка с соленьями, чёрный хлеб, картошечка. «Ну, здравствуй, Колик!» «Здорово, брат!» Расслабился по-немногу, задобрел. «Как ты считаешь, Ролли, представляет ли наша цивилизация ценность?» Я считал, что представляет. «А что ценнее, Ролли, цивилизация или приятность от рюмки водки? Смотри, как тени берёзовых листьев колеблются на стекле. Обусловлено ли одно другим, Ролли?»

3Е. Истории зрелости и угасания. О комете

Мои братья подобралась очень разные. При каждом удобном случае они друг друга недолюбливали: читали морали, учили жить и рассказывали сказки с обидными намёками. Особенно доставалось Хулио — за его восторженное преклонение перед женщинами. Вот и сейчас, когда Хулио, проснувшись с зарёю и не заметив нас, вышел на крыльцо, его губы шевелились, шепча любовную лирику. Подул утренний ветерок, закурчавились кудри на челе, затрепетала туника, приоткрывая нежности — и я невольно залюбовался братцем. А Колик, скептически играя ножиком, хмурился.

— Ну здорова, Хули, — наконец сказал он.

— О! Колик! — Хулио радостно пошёл к нам, раскрывая руки. — Ты вернулся!

И они, едва успев обняться и расцеловать друг друга, принялись спорить без лишних предисловий. Не утруждая себя даже тезисами, Колик сразу перешёл к аргументам и рассказал сказку, якобы слышанную им в Смоленском центре:

— Жил-был — слышь, Хули? — жил-был пацан. Ну то есть юноша. И вот однажды встретил этот юноша прекрасную девушку и полюбил её всей душой. Была она так красива, что он не мог отвести взгляда от её лица, и ей приходилось шутя щёлкать его по носу. Была она так умна, что все-

гда выигрывала у него в шахматы — и потом так весело хохотала и так ласково гладила его виноватой ладошкой, что он был готов проигрывать миллион раз подряд! Она была отлично образована — знала наизусть древних поэтов, историю живописи и биографии великих композиторов. Она обладала безупречным вкусом в нарядах и в кушаньях, она смешивала ему его любимые напитки и пела ему его любимые песни. От её голоса он растекался по табурету и подолгу лежал, нежась в лучах счастья. Иногда она случалась грустна, но способ вернуть ей радость был прост и удивительно приятен. Они жили вместе много-много лет, душа в душу.

Постепенно девушка постарела и перестала быть красивой, но юноша продолжал любить её с той же силой. Он даже удивился себе — как мало, оказывается, значила для него красота. Годы бежали дальше, и постепенно болезни победили её весёлый нрав, а алкоголь и старость свели на нет её ум и образованность. Но юноша любил её ничуть не меньше. Когда она пела, он улыбался, закрывал глаза и представлял её молодое лицо. Он охотно ухаживал за ней — ведь она по-прежнему была его любимой. Постепенно у неё пропал и голос... а вскорости она умерла. Юноша похоронил её, но и от этого любовь не кончилась. Он стоял у открытого в ночь окна, смотрел на звёзды и думал о том, что любовь бесконечна. И вдруг в чёрном небе появилась комета, большая и яркая. Когда видишь комету — нужно загадывать желание! Комета тоже заметила юношу, помахала рукой и крикнула: «Эй!

Загадывай, чего ждёшь? Любое желание!» — тут Колик прервался, чтобы промочить горло.

— И? — нетерпеливо спросил Хулио, — И что же загадал юноша?

— Он попросил у кометы астрономический атлас и телескоп, — насмешливо сказал Колик, хрустя огурцом. — Ему очень нравились звёзды и кометы — и захотелось изучить их получше.

— А как же его любовь? Почему он не попросил вернуть свою девушку?

— А зачем? Прожить вместе ещё пятьдесят лет? Какой в этом смысл? Ведь он и так любил свою девушку вечной любовью.

3F. Истории зрелости и угасания. Ещё о комете

Выслушав Колика, Хулио несколько минут молчал, чтобы убедиться, что продолжения не последует. Он обкушал виноградную веточку, выплюнул косточки на блюдо и тряхнул чёлкой:

— Вы не против, если я продолжу эту сказку?

Мы были не против. Я сосредоточенно кипятил чайник, а Колик строгал ножиком сучок.

— Ну так вот. Получив атлас и телескоп, юноша развлекался астрономией несколько лет, пока не прискучило. Потом ему захотелось активности, он купил скейт и взялся за катание и трюки: высокие прыжки, перевороты, бордюры, поребрики, скамейки, клумбы, трамвайные рельсы, пожарные депо. Потом решил выучиться искусству сомелье: без усталости сравнивал вкусы молодых и старых вин, нюхал, смотрел на свет и пускал пузырьки. Наловчился открывать бутылки чайной ложечкой или даже расчёской. Потом ему вздумалось самому делать вино — он завёл виноградник в Испании и добился успехов, его херес высоко оценили даже старейшие виноградари. Потом вырубил виноградник и посадил можжевельник, чтобы гнать джин. Потом бросил джин и двадцать лет изучал философию в Марбургском университете. Выступил с резкой критикой феноменологии Гуссерля,

и был благосклонно принят в академических кругах. Преподавал. Бросил философию и поплыл в кругосветное путешествие юнгой. Истатуировался с головы до ног. Потом поплыл ещё раз — в одиночку, на собственной яхте. Бросил якорь в Японии, чтобы достичь совершенства во владении мечом.

Наконец ему прискучило всё окончательно. Юноша разыскал свой старый астрономический атлас, произвёл сложные вычисления и определил, что та комета прилетает только раз в тысячу лет! А прошло всего лишь двести. Что было делать? Пришлось ждать. Чтобы занять время, он играл на мандолине, занимался альпинизмом, выращивал редких аквариумных рыбок, плавал с аквалангом, сочинял симфонии, играл в сборной по хоккею, проходил психоанализ, жонглировал факелами, строил замок из спичек и фантиков, добывал нефть, прыгал с парашютом, разгонял процессоры, искал клады на атлантических островах, разучивал Махабхарату, собирал монеты и марки, принимал роды в воде, охотился на зомби, писал пьесы и до одури валялся на пляже. Последние сто лет он просто строгал ножиком сучки.

За месяц до прилёта кометы юноша стал у окна и не отходил ни на минуту, боясь пропустить. И вот — она! Увидела его, заулыбалась. Хочу вернуть свою девушкуу! — крикнул он комете. Тебе в молодом виде или в стааром? — крикнула комета. В молодом, если моожно! — крикнул он. Хорошоо! закрой глаза и представь её как следует! — прокричала комета, улетаая. Он зажмурился, представил свою девушку и,

замирая, открыл глаза. О ужас! Девушка появилась, но это была совсем не его любимая! Тоже неплоха, да-да, неплоха... мм, неплоха. Но не то, не то! За тысячу лет он здорово подзабыл свою любимую и теперь не смог как следует её представить. От досады юноша хлопнул себя по коленкам и чуть не расплакался, — и тут Хулио прервался, чтобы выпить хереса и скушать финик.

— И? — нетерпеливо спросил я, — И чем всё кончилось?

— Ну а чем, по-твоему, всё могло кончиться, Ролли? Теперь тот юноша сидит и ждёт вторую тысячу лет, чтобы попытаться ещё раз.

Колик поморщился и щёлкнул зажигалкой.

40. Истории безоблачного детства. Об ужасной женщине

Мы с братьями, когда были маленькими, ещё застали почти все старинные традиции нашего городка. Даже такую экзотическую, как воспитание мальчиков в борделе. Считалось, что это способствует возмужанию и предупреждает го-моэротизм. И вот, когда мы немного подросли, в первую сентябрьскую субботу папа заказал нам утренний сеанс, в одном приличном заведении на краю города, за фортепианной фабрикой. Мы поехали туда на велосипедах, впереди неспешный папа, за ним стайкой мы, с закатанными штанинами, чтобы не попали в цепь. Одноэтажный домик со ставеньками и белыми собачками. Папа провёл нас на веранду, усадил на кушетку и велел ждать, а сам ушёл, чтобы мы были самостоятельными. Первым должен был идти я, как самый старший. Я нервно теребил галстук, дёргал запонки, и додёргался — одна из них вывалилась и полетела под кушетку. Я полез за ней, и в этот момент дверь в комнаты отворилась. Ужасное зрелище! Жуткая женщина в чёрной шипастой коже, с плетью, с вампирически кровавым ртом и фиолетовыми овалами вокруг глаз! А какие у неё были ногти! ААА!!! — заголо-сил Толик и бросился наутёк. Все — за ним, толкаясь, спотыкаясь и подвывая от страха! Куда же вы, деточки?! Но они уже мчались по саду. А меня она схватила за руку так креп-

ко, что я не мог вырваться. От неё пахло угрожающе сладко, «разложением» — мелькнула мысль. Надо было соображать быстро, иначе смерть! И я сделал первое, что пришло на ум — размяк и прикинулся мёртвым. Упал на пол, забросил голову, закатил глаза, пустил слюну. Она охнула и стала дуть мне в лицо — сладко! — а потом наконец отпустила и побежала в комнаты, наверное за водой. На задку у неё был огромный вырез, во всю ширину! И я вскочил, и рванул наружу, к братьям. Они уже ждали меня под яблоней, и держали наготове мой велосипед. Медленно, медленно мы разговнялись, а чудовищная женщина неслась следом, хрипло кричала, настигала, тянула ядовитые когти! Клац-клац, прямо за спиной! Собачки свирепо тьякали. Только бы не штанина в цепь! Но счастье: мы уже выкатились с травы на дорогу и набирали скорость. Она отстала и швырнула в нас яблоком, а собачки ещё с минуту бежали. На всякий случай мы поехали домой круговой дорогой, чтобы сбить собачек со следа.

Но папе мы сказали, что всё прошло хорошо, а то мало ли.

41. Истории безоблачного детства. О любви

Когда мой брат Хулио, восторженный подросток, впервые влюбился, он почувствовал такую тоску, что заплакал. Они лежали на лугу, в полынной пыли, в пыльце белых ромашек, в стрёкоте стрекоз.

— Я так люблю тебя! Не умирай, пожалуйста! — он гладил её по подолу сарафана, как будто в последний раз.

— Что? С чего это мне умирать? — насторожилась она.

— Мы все умрём... — синего-синего сарафана.

— Что? Ты придурок!

Она была старше Хулио и решила, что он намекает на её возраст. И ушла, и перестала с ним встречаться, и умерла.

42. Истории безоблачного детства. Об умных книжках

В нашей семье особым интеллектом никто не мог похвастать, ну а мы с братиками и вовсе уродились полными ту-пицами. Отчего-то наши мозги не хотели развиваться, и мы с каждым годом не умнели, как нормальные дети, а всё больше отупевали и затормаживались. Возможно, это было вызвано полотенцами, которыми мама перевязывала нам головы, чтобы мы не ударялись больно, падая ночью с кровати. Возможно, эти полотенца пережимали какие-то важные со-суды, и наши мозги не получали должного питания.

Когда мы окончили третий класс, перед тем, как отпу-стить нас на каникулы, директор школы измерил нам интел-лекты и поцокал языком. Такого скверного балла я ещё не видывал, сказал он. Вам пора умнеть, пока ещё не поздно! Мозги — они быстро костенеют, и потом уже вообще ниче-го не сделаешь. Я вам рекомендую читать побольше книжек. Ручаюсь, это лучшее, что вы можете предпринять! Сам я в детстве тоже был тупарём, но каждый год читал по книжке, мозги заряжались, и в итоге вот — теперь я выше среднего, даже директор. Подумайте над этим!

Мы подумали и решили, что действительно пора браться за ум, но что каждый год читать по книжке — это слишком сложно. Лучше прочесть одну, но чрезвычайно умную, и то-

гда мозги зарядятся на всю жизнь. Мы побежали в библиотеку и попросили принести самые умные книжки, какие у них только есть. Библиотекари пошушукались, пошебуршались и принесли, на специальном лакированном подносике. Мы подходили по одному и тянули наугад, с закрытыми глазами. Хулио вытянул Феноменологию духа, Колик — Критику чистого разума, Толик — Бытие и время, Валик — Логико-философский трактат с комментариями, а мне достался Улисс.

Поначалу я обрадовался, что с романом будет проще, чем с философией, но увы — книга оказалась жестокой и зубодробительной! Закусив зубами рукав, я целых три ужасных дня подряд упорствовал, не сдавался и продирался сквозь абзацы, даже в туалете. Мне тоже хотелось стать директором! Но моё юное тело нестерпимо мучилось чудовищным чтением и в один прекрасный момент окончательно отторгло его — пальцы сами собой разжались, и Джойс полетел в зловонную яму. Выловить его не было никакой надежды, тяжёлый томище сразу утонул. О горе! — опечалился я. Теперь уж никогда не избавиться мне от тупости! Опустошённый и ничуть не поумневший, со слезами отчаяния на глазах, я вышел из туалета и побрёл к обрыву озера, смотреть на чаек.

Какова же была моя радость, когда я обнаружил там всех моих братиков! Оказалось, что Хулио потерял Гегеля в лесу, Колик случайно сжёг Канта в костре, Толик по оплошности напрочь залил Хайдеггера черничным вареньем, а у Валика отняли Витгенштейна хулиганы. Мы обнялись и долго пла-

кали вместе, а потом купались. Разумеется, на следующий же день мы побежали в библиотеку снова, но в продлении абонеента нам отказали.

43. Истории безоблачного детства. О дневнике

Когда у нас с братиками стали пробиваться первые бакенбарды, мы вычитали в юношеском журнале, что очень хорошо вести дневник, записывать в него всякие события — и потом однажды, через годы, будет приятно прочесть его и всё вспомнить. Как и полагается, мы вели дневники ночью, глубоко под одеялом, с фонариками. И, понятное дело, скоро за этим занятием нас застукал папа. Мы сделали невинный вид, а он сделал вид, что ничего не заметил. Но без занудной правоучительной сказки не обошлось:

— Жил-был один человек, который очень заботился о том, как бы ничего из своей жизни не потерять. Сначала он вёл дневник, и скрупулёзно вносил туда каждое своё движение.

— И? — мы были раздосадованы и настроены скептически.

— А потом дневника ему показалось мало, и он купил фотоаппарат, и каждый день фотографировался, а иногда даже по несколько раз.

— И?

— А потом фотографий ему показалось мало, и он купил видеокамеру и огромный диск, и непрерывно снимал себя в высочайшем качестве. Да-да, шёл по улице, отставив руку с камерой, и снимал себя.

— И?

— И он снял всю-превсю свою жизнь до самой глубокой старости, а потом почил с миром.

— И?

— И всё! А что вы ещё хотели?

44. Истории безоблачного детства. О самом умном человеке

Смотреть Самого умного на свете человека мы с мамой и папой поехали в областной оперный — в наш городок его не привозили. Перед тем, как идти в кассы, папа отвёл нас в театральный ресторан, очахнуть с дороги, и тут нам повезло — за соседним столиком обедал сам Старший билетёр. Он приветствовал нас, послал бутылку божоле и немного рассказал об аттракционе. Представление шло уже второй сезон, людей было не слишком много, но он всё же порекомендовал не идти со всеми, а взять персональные билеты и встретиться с Самым умным на свете человеком лично, прямо в его апартаментах. «Когда?» «Сейчас». Папа охотно подписал чек, мы доели салаты и поехали на лифте — он жил здесь же, в пентхаусе административного корпуса. Старший билетёр открыл замок своим ключом, но сам заходить не стал, распахнул дверь и посторонился. «Пять минут». В пентхаусе было просторно и солнечно, Эванс непринуждённо подыгрывал Холлу, висели портреты Пирогова, Боткина и ещё нескольких, незнакомых нам. Самый умный человек сидел на топчане, закинув ногу на ногу, курил сигарету с ментолом и листал журнал. Мы расселись у дальней стены на стульях и смотрели на него. Он носил штаны в узкую полосу, свободный домашний пиджак и балетки. «Наверное,

нужно что-то спросить у него», — шепнул папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.